
Льюис Кэрролл
Алиса
в Стране чудес
Иллюстрации Роберта Ингпена

Льюис Кэрролл

Алиса в Стране чудес

Перевод с английского
Нины Демуровой

Стихи в переводах
С. Маршака, Д. Орловской, О. Седаковой

Иллюстрации Роберта Ингпена

Москва
«Махаон»
2010

УДК 821.111-34-93
ББК 84(4 Вел)
К98

Lewis Carroll

ALICE'S ADVENTURES IN WONDERLAND

Памяти отца,
Михаила Георгиевича Демурова,
посвящаю свой перевод

Кэрролл Л.

К98 Алиса в Стране чудес: Сказ. повесть / Пер. с англ. Н. Демуровой; стихи в пер. С. Маршака, Д. Орловской, О. Седаковой; худож. Р. Ингпен. – М.: Махаон, 2010. – 192 с.: ил.

ISBN 978-5-389-00818-2

Прошло почти полтора века со времени первой публикации этой знаменитой книги, а она до сих пор завоёвывает сердца детей и взрослых всех стран. Перед вами новое уникальное издание, главными достоинствами которого являются полный, несокращённый текст и более 70 прекрасных иллюстраций именитого художника.

УДК 821.111-34-93
ББК 84(4 Вел)

© Н. М. Демурова, перевод на русский язык, 2010
© Н. М. Демурова, послесловие, 2010
© С.Я. Маршак, наследники, стихи, 2010
© О. А. Седакова, стихи, перевод на русский язык, 2010
© Illustrations copyright (2009) Robert Ingpen
Created by Palazzo Editions LTD, Bath, United Kingdom
© ООО «Издательская Группа Аттикус», 2010
Machaon®

ISBN 978-5-389-00818-2

Оглавление

Алиса в Стране чудес

Июльский полдень золотой
Сияет так светло,
В неловких маленьких руках
Упрямится весло,
И нас теченьем далеко
От дома унесло.

Безжалостные! В жаркий день,
В такой сонливый час,
Когда бы только подремать,
Не размыкая глаз,
Вы требуете, чтобы я
Придумывал рассказ.

И Первая велит начать
Его без промедленья,
Вторая просит: «Поглупей
Пусть будут приключенья».
А Третья прерывает нас
Сто раз в одно мгновенье.

Но вот настала тишина,
И, будто бы во сне,
Неслышно девочка идёт
По сказочной стране
И видит множество чудес
В подземной глубине.

Но ключ фантазии иссяк –
Не бьёт его струя.
– Конец я после расскажу,
Даю вам слово я!
– Настало после! *– мне кричит*
Компания моя.

И тянется неспешно нить
Моей волшебной сказки,
К закату дело наконец
Доходит до развязки.
Идём домой. Вечерний луч
Смягчил дневные краски.

Алиса, сказку детских дней
Храни до седины
В том тайнике, где ты хранишь
Младенческие сны,
Как странник бережёт цветок
Далёкой стороны.

Льюис Кэрролл (1832–1898) читает свою сказку Алисе Лидделл (1852–1934).

От автора

Меня так часто спрашивали о том, можно ли найти ответ на загадку Болванщика (см. с. 95), что мне следует, пожалуй, запечатлеть здесь вариант, который мог бы, как мне кажется, быть достаточно приемлемым, а именно: «С помощью того и другого можно давать ответы, хоть и плоские; их никогда не ставят не той стороной!» Впрочем, это мне пришло в голову гораздо позже; загадка поначалу не имела отгадки.

Октябрь 1986 года

Глава первая

Вниз по кроличьей норе

Алисе наскучило праздно сидеть рядом с сестрой на берегу реки. Разок-другой она заглянула в книжку, которую читала сестра, но там не было ни картинок, ни разговоров.

«Как можно читать такую книжку? – подумала Алиса. – В ней нет ни картинок, ни разговоров!»

Она сидела и размышляла, не встать ли ей и не нарвать ли цветов для венка. Мысли её текли медленно и несвязно – от жары её клонило в сон. Конечно, сплести венок было бы очень приятно, но стоит ли ради этого подыматься?

Вдруг мимо пробежал Белый Кролик с красными глазами.

Конечно, ничего удивительного в этом не было. Правда, Кролик на бегу говорил:

– Ах, боже мой, боже мой! Я опаздываю.

Но и это не показалось Алисе особенно странным. (Вспоминая об этом впоследствии, она подумала, что ей следовало бы удивиться, однако в тот миг всё казалось ей вполне естественным.) Но когда Кролик вдруг вынул часы из жилетного кармана и, взглянув на них, помчался дальше, Алиса вскочила на ноги. Её тут осенило: ведь никогда раньше она не видела кролика с часами, да ещё с жилетным карманом в придачу! Сгорая от любопытства, она побежала за ним по полю и только успела заметить, что он юркнул в нору под изгородью.

В тот же миг Алиса юркнула за ним следом, не думая о том, как же она будет выбираться обратно.

Нора сначала шла прямо, ровная, как туннель, а потом вдруг круто обрывалась вниз. Не успела Алиса и глазом моргнуть, как она начала падать, словно в глубокий колодец.

То ли колодец был очень глубок, то ли падала она очень медленно, только времени у неё было достаточно, чтобы прийти в себя и подумать, что же будет дальше. Сначала она попыталась разглядеть, что ждёт её внизу, но там было темно, и она ничего не увидела. Тогда она принялась смотреть по сторонам.

Стены колодца были уставлены шкафами и книжными полками. Кое-где висели на гвоздиках картины и карты. Пролетая мимо одной из полок, она прихватила с неё банку с вареньем. На банке было написано «АПЕЛЬСИНОВОЕ», но, увы! она оказалась пуста. Алиса побоялась бросить банку вниз – как бы не убить кого-нибудь! На лету она умудрилась засунуть её в какой-то шкаф.

«Вот это упала так упала! – подумала Алиса. – Упасть с лестницы теперь для меня пара пустяков. А наши решат, что я ужасно смелая. Да свались я хоть с крыши, я бы и то не пикнула».

Вполне возможно, что так оно и было бы.

А она всё падала и падала. Неужели этому не будет конца?

– Интересно, сколько миль я уже пролетела? – сказала Алиса вслух. – Я, верно, приближаюсь к центру Земли. Дайте-ка вспомнить... Это, кажется, около четырёх тысяч миль вниз...

Видишь ли, Алиса выучила кое-что в этом роде на уроках в классе и, хоть сейчас момент был не самый подходящий демонстрировать свои познания – никто ведь её не слышал, она не могла удержаться.

– Да так, верно, оно и есть, – продолжала Алиса. – Но интересно, на какой же я тогда широте и долготе?

Сказать по правде, она понятия не имела о том, что такое широта и долгота, но ей очень нравились эти слова. Они звучали так важно и внушительно!

Помолчав, она начала снова:

– А не пролечу ли я всю Землю насквозь? Вот будет смешно! Вылезаю, а люди вниз головой! Как их там зовут?.. *Антипатии*, кажется...

В глубине души она порадовалась, что в этот миг её никто не слышит, потому что слово это звучало как-то не так.

– Придётся мне у них спросить, как называется их страна. «Простите, сударыня, где я? В Австралии или в Новой Зеландии?»

И она попробовала сделать реверанс. Можешь себе представить реверанс в воздухе во время падения? Как, по-твоему, тебе бы удалось его сделать?

– И все подумают, что я страшная невежда. Нет, не буду никого спрашивать! Может, увижу где-нибудь надпись!

А она всё падала и падала. Делать нечего – помолчав, Алиса снова заговорила.

– Дина будет меня сегодня весь вечер искать! Ей без меня так скучно!

Диной звали их кошку.

– Надеюсь, они не забудут в полдник налить ей молочка... Ах, Дина, милая, как жаль, что тебя со мной нет. Правда, мышек в воздухе нет, но зато мошек хоть отбавляй! Интересно, едят ли кошки мошек?

Тут Алиса почувствовала, что глаза у неё слипаются. Она сонно бормотала:

– Едят ли кошки мошек? Едят ли кошки мошек?

Иногда у неё получалось: «Едят ли мошки кошек?»

Алиса не знала ответа ни на первый, ни на второй вопрос, и потому ей было всё равно, как их задать. Она почувствовала, что засыпает. Ей уже снилось, что она идёт об руку с Диной и озабоченно её спрашивает:

– Признайся, Дина, ты когда-нибудь ела мошек?

Тут раздался страшный треск. Алиса упала на кучу валежника и сухих листьев.

Она ничуть не ушиблась и быстро вскочила на ноги. Взглянула наверх – там было темно. Перед ней шёл другой коридор, а в конце его мелькнул Белый Кролик. Нельзя было терять ни минуты, и Алиса помчалась за ним следом. Она слышала, как, исчезая за поворотом, Кролик произнёс:

– Ах, мои усики! Ах, мои ушки! Как я опаздываю!

Повернув за угол, Алиса надеялась тут же увидеть Кролика, но его нигде не было. А она оказалась в длинном низком зале, освещённом рядом ламп, свисавших с потолка.

Дверей в зале было множество, но все оказались заперты. Алиса попробовала открыть их сначала с одной стороны, потом с другой. Убедившись, что ни одна не поддаётся, она с грустью прошлась по залу, соображая, как ей отсюда выбраться.

Вдруг она увидела стеклянный столик на трёх ножках. На нём не было ничего, кроме крошечного золотого ключика. Алиса решила, что это ключ от одной из дверей, но – увы! – то ли замочные скважины были слишком велики, то ли ключик слишком мал, только он не подошёл ни к одной, как она ни старалась. Пройдясь по залу во

второй раз, Алиса увидела занавеску, которую не заметила раньше. А за ней оказалась маленькая дверца дюймов в пятнадцать вышиной. Алиса вставила ключик в замочную скважину – и, к величайшей её радости, он подошёл!

Она открыла дверцу и увидела за ней нору, совсем узкую, не шире крысиной. Алиса встала на колени и заглянула в неё – в глубине виднелся сад удивительной красоты. Ах, как ей захотелось выбраться из тёмного зала и побродить между яркими цветочными клумбами и прохладными фонтанами! Но она не могла просунуть в нору даже голову.

«Если б моя голова и прошла, – подумала бедная Алиса, – что толку! Кому нужна голова без плечей? Ах, почему я не складываюсь, как подзорная труба! Если б я только знала, с чего начать, я бы, наверно, сумела».

Видишь ли, в тот день столько было всяких удивительных происшествий, что всё казалось ей теперь возможным.

Сидеть у маленькой дверцы не было никакого смысла, и Алиса вернулась к стеклянному столику. Она надеялась найти на нём другой ключ или, на худой конец, руководство к складыванию наподобие подзорной трубы. Однако на этот раз на столе оказался пузырёк.

«Я совершенно уверена, что раньше его здесь не было!» – сказала про себя Алиса.

К горлышку пузырька была привязана бумажка, а на бумажке крупными красивыми буквами было написано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Это, конечно, было очень мило, но умненькая Алиса совсем не торопилась следовать этому совету.

– Прежде всего надо убедиться, что на этом пузырьке нигде нет пометки «Яд!», – сказала она.

Видишь ли, она начиталась всяких прелестных историй о том, как дети сгорали живьём или попадали на съедение диким зверям, и все эти неприятности происходили с ними потому, что они не желали соблюдать простейших правил, которым обучали их друзья. Правила эти самые простые. Если слишком долго держать в руках раскалённую докрасна кочергу, в конце концов обожжёшься. Если поглубже полоснуть по пальцу ножом, из пальца обычно идёт кровь. Если разом осушить пузырёк с пометкой «Яд!», рано или

поздно почувствуешь недомогание. Последнее правило Алиса помнила твёрдо.

Однако на этом пузырьке никаких пометок не было, и Алиса рискнула отпить из него немного. Напиток был очень приятен на вкус, он чем-то напоминал вишнёвый пирог с кремом, ананас, жареную индейку, сливочную помадку и горячие гренки с маслом. Алиса выпила его до конца.

– Какое странное ощущение! – воскликнула Алиса. – Я, верно, складываюсь, как подзорная труба.

И не ошиблась – в ней сейчас было всего десять дюймов росту. Она подумала, что легко пройдёт теперь сквозь дверцу в чудесный сад, и очень обрадовалась. Но на всякий случай она немножко подождала, ей хотелось убедиться, что больше она уже не уменьшается. Это её слегка тревожило.

«Если я и дальше буду так уменьшаться, – сказала она про себя, – я могу и вовсе исчезнуть. Сгорю как свечка! Интересно, что тогда со мной будет?»

И она постаралась представить себе, как выглядит пламя свечи после того, как свеча потухнет. Насколько ей помнилось, такого она никогда не видала.

Подождав немного и убедившись, что больше ничего не происходит, она решила тотчас же выйти в сад. Бедняжка! Подойдя к дверце, она обнаружила, что забыла золотой ключик на столе, а вернувшись к столу, поняла, что ей теперь до него не дотянуться. Сквозь стекло она ясно видела снизу лежащий на столе ключик. Она попыталась взобраться на стол по стеклянной ножке, но ножка была очень скользкая. Устав от напрасных усилий, бедная Алиса села на пол и заплакала.

– Ну, хватит! – строго приказала она себе немного спустя. – Слезами горю не помочь. Советую тебе сию же минуту перестать!

Она всегда давала себе хорошие советы, хоть следовала им не часто. Порой же ругала себя так беспощадно, что глаза её наполнялись слезами. А однажды она даже попыталась отхлестать себя по щекам за то, что схитрила, играя в одиночку партию в крокет. Эта глупышка очень любила притворяться двумя разными девочками сразу.

«Но сейчас это при всём желании невозможно! – подумала бедная Алиса. – Меня и на одну-то едва-едва хватает!»

Тут она увидела под стеклом маленькую стеклянную коробочку. Алиса открыла её – внутри был пирожок, на котором коринками было красиво написано: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»

– Что ж, – сказала Алиса, – я так и сделаю. Если при этом я вырасту, я достану ключик, а если ещё уменьшусь – пролезу под дверь. Мне бы только попасть в сад, а как – всё равно!

Она откусила от пирожка и с тревогой подумала: «Расту или уменьшаюсь? Расту или уменьшаюсь?»

Руку Алиса при этом положила на макушку, чтобы чувствовать, что с ней происходит. Но, к величайшему её удивлению, она не стала ни выше, ни ниже. Конечно, так всегда и бывает, когда ешь пирожки, но Алиса успела привыкнуть ко всяким чудесам и всё обычное ей казалось скучным и глупым. Она откусила ещё кусочек и вскоре съела весь пирожок.

Глава вторая

Море слёз

– Всё страньше и страньше! – вскричала Алиса. От изумления она совсем забыла, как нужно говорить. – Я теперь открываюсь, словно подзорная труба. Прощайте, ноги!

(В эту минуту она как раз взглянула на ноги и увидела, как стремительно они уносятся вниз. Ещё мгновение – и они скроются из виду.)

– Бедные мои ножки! Кто же вас будет теперь обувать? Кто натянет на вас чулки и башмаки? Мне же до вас теперь, мои милые, не достать. Мы будем так далеки друг от друга, что мне будет не до вас... Придётся вам обходиться без меня.

Тут она призадумалась.

«Всё-таки надо быть с ними поласковее, – сказала она про себя. – А то ещё возьмут и пойдут не в ту сторону. Ну ладно! На Рождество буду посылать им в подарок новые ботинки».

И она принялась строить планы.

«Придётся отправлять их с посыльным, – думала она. – Вот будет смешно! Подарки собственным ногам! И адрес какой странный!

Каминный Коврик
(что возле Каминной Решётки)
Госпоже Правой ноге –
С приветом от Алисы».

– Ну что за вздор я несу!

В эту минуту она ударилась головой о потолок: ведь она вытянулась футов до девяти, не меньше. Тогда она схватила со стола золотой ключик и побежала к двери в сад.

Бедная Алиса! Разве могла она теперь пройти в дверцу? Ей удалось лишь заглянуть в сад одним глазком – и то для этого пришлось лечь на пол. Надежды на то, чтобы пройти в нору, не было никакой. Она уселась на пол и снова расплакалась.

– Стыдись, – сказала себе Алиса немного погодя. – Такая большая девочка (тут она, конечно, была права), – и плачешь! Сейчас же перестань!

Но слёзы лились ручьями, и вскоре вокруг неё образовалась большая лужа дюйма в четыре глубиной. Вода разлилась по полу и уже дошла до середины зала.

Немного спустя вдалеке послышался топот маленьких ног. Алиса торопливо вытерла глаза и стала ждать. Это возвращался Белый Кролик. Одет он был парадно, в одной руке держал пару лайковых перчаток, а в другой – большой веер. На бегу Кролик тихо бормотал:

– Ах, боже мой, что скажет Герцогиня! Она будет в ярости, если я опоздаю! Просто в ярости!

Алиса была в таком отчаянии, что готова была обратиться за помощью к кому угодно. Когда Кролик поравнялся с нею, она робко прошептала:

– Простите, сэр...

Кролик подпрыгнул, уронил перчатки и веер, метнулся прочь и тут же исчез в темноте.

Алиса подняла веер и перчатки. В зале было жарко, и она стала обмахиваться веером.

– Нет, вы только подумайте! – говорила она. – Какой сегодня день странный! А вчера всё шло как обычно. Может, это я изменилась за ночь? Дайте-ка вспомнить: сегодня утром, когда я встала, я это была или не я? Кажется, уже не совсем я! Но если это так, то кто же я в таком случае? Всё так сложно...

И она принялась перебирать в уме подружек, которые были с ней одного возраста. Может, она превратилась в одну из них?

– Во всяком случае, я не Ада! – сказала она решительно. – У неё волосы вьются, а у меня нет! И уж, конечно, я не Мейбл. Я столько всего знаю, а она совсем ничего! И вообще, она это *она*, а я это *я!* Как всё непонятно! А ну-ка, проверю, помню я то, что знала, или нет. Значит, так: четырежды пять – двенадцать, четырежды шесть – тринадцать, четырежды семь... Так я до двадцати никогда не дойду! Ну, ладно, таблица умножения – это неважно! Попробую географию! Лондон – столица Парижа, а Париж – столица Рима, а Рим... Нет, всё не так, всё неверно! Должно быть, я превратилась в Мейбл... Попробую прочитать «Дом, который построил Джек...»

Она сложила руки на коленях, словно отвечала урок, и начала. Но голос её зазвучал как-то странно, будто кто-то другой хрипло произносил за неё совсем другие слова:

Вот дом,
Который построил жук.
А это певица,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил жук.

А это весёлая императрица,
Которая часто кусает певицу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил жук...

– Слова совсем не те! – сказала бедная Алиса, и глаза у неё снова наполнились слезами. – Значит, я всё-таки Мейбл! Теперь мне придётся жить в этом старом домишке. И игрушек у меня совсем не будет. Зато уроков будет уйма. Ну что ж, решено, если я Мейбл, останусь здесь навсегда. Пусть тогда попробуют прийти сюда за мной! Свесят головы вниз, станут звать: «Подымайся, милочка, к нам!» А я на них только посмотрю и отвечу: «Скажите мне сначала, кто я! Если мне это понравится, я поднимусь, а если нет – останусь здесь, пока не превращусь в кого-нибудь другого!»

Тут слёзы брызнули у неё из глаз.

– Почему за мной никто не приходит? Как мне надоело сидеть здесь одной!

С этими словами Алиса глянула вниз и, к своему удивлению, заметила, что, пока говорила, натянула на одну руку крошечную перчатку Кролика.

«Как это мне удалось? – подумала она. – Видно, я опять уменьшаюсь».

Алиса встала и подошла к столику, чтобы выяснить, какого она теперь роста. Судя по всему, в ней было не больше двух футов, и она продолжала стремительно уменьшаться. Вскоре она поняла, что виной тому веер, который она держала в руках, и тут же швырнула его на пол. И хорошо сделала, а то могла бы и вовсе исчезнуть!

– Уф! Едва спаслась! – сказала Алиса, испуганная столь внезапной переменой, но в то же время радуясь, что уцелела. – А теперь – в сад!

И она подбежала к дверце. Но увы! Дверца опять была заперта, а золотой ключик так и лежал на стеклянном столике.

«Час от часу не легче! – подумала бедная Алиса. – Такой крошкой я ещё не была ни разу! Плохо моё дело! Хуже некуда...»

Тут она поскользнулась и – бух! – шлёпнулась в воду. Вода была солёная на вкус и доходила ей до подбородка. Сначала она подумала, что каким-то образом упала в море. Как же она туда попала?

«Ну, если это море, тогда не страшно, – подумала она, – можно уехать по железной дороге».

Алиса всего раз в жизни была на взморье, и потому ей казалось, что всё там одинаково: у самой черты прибоя – кабинки для купания, на берегу – малыши с деревянными лопатками строят замки из песка; потом – пансионы, а за ними – станция.

Вскоре, однако, она поняла, что упала в лужу слёз, которую сама же и наплакала, когда была ростом в девять футов.

«Ах, зачем я так ревела! – подумала Алиса, плавая кругами и пытаясь понять, в какой стороне берег. – Вот будет глупо, если я утону в собственных слезах! И поделом мне! Конечно, это было бы очень странно. Впрочем, сегодня всё странно!»

Тут она услышала какой-то плеск неподалёку и поплыла туда, чтобы узнать, кто это там плещется. Сначала она решила, что это морж или гиппопотам, но потом вспомнила, какая она теперь крошка, и, вглядевшись, увидала всего лишь мышь, которая, видно, также упала в воду.

«Заговорить с ней или нет? – подумала Алиса. – Сегодня было столько всяких чудес, что я не удивлюсь, если она умеет говорить. Во всяком случае, попытаться стоит».

И она начала:

– О Мышь! Не знаете ли вы, как выбраться из этой лужи? Мне так надоело здесь бултыхаться, о Мышь!

Алиса считала, что именно так и следует обращаться к мышам. Опыта у неё никакого не было, но она вспомнила учебник латинской грамматики, принадлежащий её брату. Там чёрным по белому стояло:

«Именительный – Мышь,
Родительный – Мыши,
Дательный – Мыши,
Винительный – Мышь,
Звательный – О Мышь!»

Мышь взглянула на неё с недоумением и легонько ей подмигнула (так, во всяком случае, показалось Алисе), но не сказала в ответ ни слова.

«Может, она по-английски не понимает? – подумала Алиса. – Вдруг она француженка родом? Приплыла сюда вместе с Вильгельмом Завоевателем...»

Хоть Алиса и гордилась своим знанием истории, она не очень ясно представляла себе, что когда происходило.

И она опять начала:

– Où est ma chatte?[1]

В учебнике французского языка эта фраза стояла первой.

Мышь рванулась из воды и вся затрепетала от ужаса.

– Простите! – быстро сказала Алиса, видя, что обидела бедного зверька. – Я забыла, что вы не любите кошек.

– Не люблю кошек? – вскричала пронзительно Мышь. – А ты бы их на моём месте любила?

– Наверно, нет, – попробовала успокоить её Алиса. – Прошу вас, не сердитесь! Жаль, что я не могу показать вам нашу Дину. Если б вы только её увидели, вы бы полюбили кошек. Она такая милая, такая спокойная, – задумчиво продолжала Алиса, лениво плавая в солёной воде. – Сидит себе у камина, мурлычет и умывается. И такая мягкая, так и хочется погладить. А как она ловит мышей!.. Ах, простите! Простите, пожалуйста!

Шёрстка у Мыши стала дыбом. Алиса поняла, что оскорбила её до глубины души.

– Если вам неприятно, не будем больше об этом говорить! – сказала Алиса.

– Не будем? – вскричала Мышь, трепеща от головы до самого кончика хвоста. – Можно подумать, что я завела этот разговор! У нас в семье всегда ненавидели кошек. Низкие, вульгарные твари! Слышать о них не желаю!

– Хорошо, хорошо! – сказала Алиса, торопясь перевести разговор. – А... собак... вы любите?

Мышь промолчала.

– Рядом с нами живёт такой милый пёсик! – радостно продолжала Алиса. – Мне бы очень хотелось вас с ним познакомить! Маленький терьер! Глаза у него блестящие, а шёрстка коричневая, длинная и волнистая! Бросишь ему что-нибудь, он тотчас несёт назад, а потом сядет на задние лапки и просит, чтобы ему дали косточку. Чего только он ни делает – всего не упомнишь! Хозяин у него фермер, он говорит: этому пёсику цены нет! Он всех крыс перебил в округе и всех мыш... Ах, боже мой! – грустно промолвила Алиса. – По-моему, я её опять обидела!

---

[1] Где моя кошка? *(франц.)*

Мышь изо всех сил плыла от неё прочь, по воде даже волны пошли.

– Мышка, милая! – ласково закричала ей вслед Алиса. – Прошу вас, вернитесь! Если кошки и собаки вам не по душе, я о них больше ни слова не скажу!

Услышав это, Мышь повернула и медленно поплыла назад. Она страшно побледнела. («От гнева!» – подумала Алиса.)

– Вылезем на берег, – сказала Мышь тихим, дрожащим голосом, – и я расскажу тебе мою историю. Тогда ты поймёшь, за что я ненавижу кошек и собак.

И, в самом деле, надо было вылезать. В луже становилось всё теснее от всяких птиц и зверей, упавших в неё. Там были Робин Гусь, Птица Додо, Попугайчик Лори, Орлёнок Эд и всякие другие удивительные существа. Алиса поплыла вперёд, и все потянулись за ней к берегу.

Глава третья

Бег по кругу и длинный рассказ

Общество, собравшееся на берегу, имело весьма неприглядный вид: перья у птиц были взъерошены, шёрстка у зверьков промокла насквозь. Вода текла с них ручьями, всем было холодно и неуютно.

Прежде всего, конечно, нужно было решить, как поскорее высохнуть. Стали держать совет. Не прошло и нескольких минут, как Алиса уже чувствовала себя так, словно знала их всех целую жизнь. Она даже поспорила с Попугайчиком Лори, который надулся и только твердил:

– Я старше, чем ты, и лучше знаю, что к чему!

Алиса потребовала, чтобы он сказал, сколько ему лет, но Попугайчик решительно отказался. На том спор и кончился.

Наконец Мышь, к которой все относились с почтением, закричала:

– Садитесь, все садитесь и слушайте. Вы у меня вмиг высохнете!

Все послушно уселись в круг, а Мышь стала посредине. Алиса не отрывала от неё глаз, она знала, что, если тут же не высохнет, ей грозит сильная простуда.

– Гхе-гхе! – откашлялась с важным видом Мышь. – Готовы? Тогда начнём. Это вас мигом высушит! Тишина! «Вильгельм Завоеватель с благословения папы римского быстро добился полного подчинения англосаксов, которые нуждались в твёрдой власти и видели на

своём веку немало несправедливых захватов трона и земель. Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, граф Нортумбрии...»

– Д-да! – сказал Попугайчик и содрогнулся.

– Простите, – спросила, нахмурясь, Мышь с чрезмерной учтивостью, – вы, кажется, что-то сказали?

– Нет-нет, – поспешно ответил Попугайчик.

– Значит, мне показалось, – заметила Мышь. – Итак, я продолжаю. «Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, граф Нортумбрии, поддержали Вильгельма Завоевателя, и даже Стиганд, архиепископ Кентерберийский, проглотил свою обиду...»

– Что он проглотил? – спросил Робин Гусь.

– ...свою обиду, – отвечала Мышь. – Ты что, не знаешь, что такое *«проглотил»*?

– Еще бы мне не знать, – отвечал Робин Гусь. – Я только и делаю, что глотаю лягушат или червяков... А только я никак не пойму, что же проглотил архиепископ?

Мышь не удостоила его ответом и торопливо продолжала:

– «...свою обиду и решил вместе с Эдгаром Ателингом отправиться к Вильгельму и предложить ему корону. Поначалу Вильгельм вёл себя очень сдержанно, но наглость его воинов норманнов...» Ну как, милочка, подсыхаешь? – спросила она Алису.

– С меня так и льёт, – ответила Алиса печально. – Я и не думаю сохнуть!

– В таком случае, – провозгласил Додо, – я предлагаю принять резолюцию о немедленном роспуске собрания с целью принятия самых экстренных мер для скорейшего...

– Говорите по-человечески, – сказал Орлёнок Эд. – Я и половины этих слов не знаю! Да и сами вы, по-моему, их не понимаете.

И Орлёнок отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Птицы тихо захихикали.

– Я хотел сказать, – обиженно проговорил Додо, – что нужно устроить бег по кругу. Тогда мы вмиг высохнем!

– А что это такое? – спросила Алиса.

Сказать по правде, её это не очень интересовало, но Додо многозначительно молчал, видно, ждал вопроса. И так как все тоже молчали, пришлось спрашивать Алисе.

– Чем объяснять, – сказал Додо, – лучше показать!

(Может, и ты захочешь как-нибудь зимой сыграть в эту игру? В таком случае я расскажу тебе, что делал Додо.)

Сначала он нарисовал на земле круг. Правда, круг вышел не очень-то ровный, но Додо сказал:

– Правильность формы несущественна!

А потом расставил всех без всякого порядка по кругу. Никто не подавал команды – все побежали, когда захотели. Трудно было понять, как и когда должно кончиться это состязание. Через полчаса, когда все набегались и просохли, Додо вдруг закричал:

– Бег закончен!

Все столпились вокруг него и, тяжело дыша, стали спрашивать:

– Кто же победил?

На этот вопрос Додо не мог ответить, не подумав как следует. Он застыл на месте, приложив ко лбу палец (в такой позе обычно изображают Шекспира, помнишь?), и погрузился в размышления. А все стояли вокруг и молча ждали. Наконец Додо произнёс:

– Победили все! И каждый получит награды!

– А кто же их будет раздавать? – спросили все хором.

– *Она*, конечно, – ответил Додо, ткнув пальцем в Алису.

Все окружили Алису и наперебой закричали:

– Награды! Награды! Раздавай награды!

Алиса растерялась. В замешательстве она сунула руку в карман и вытащила оттуда пакетик цукатов. (К счастью, слёзы их не размочили.) Она раздала их собравшимся – каждому по цукату, только-только хватило.

– Но она ведь тоже заслужила награду, – сказала Мышь.

– Конечно, – подхватил важно Додо.

И, повернувшись к Алисе, спросил:

– У тебя осталось что-нибудь в кармане?

– Нет, – отвечала Алиса грустно. – Только напёрсток.

– Давай его сюда! – приказал Додо.

Все столпились вокруг Алисы, а Додо торжественно подал ей напёрсток и сказал:

– Мы просим тебя принять в награду этот прелестный напёрсток!

Тут все громко закричали «ура!».

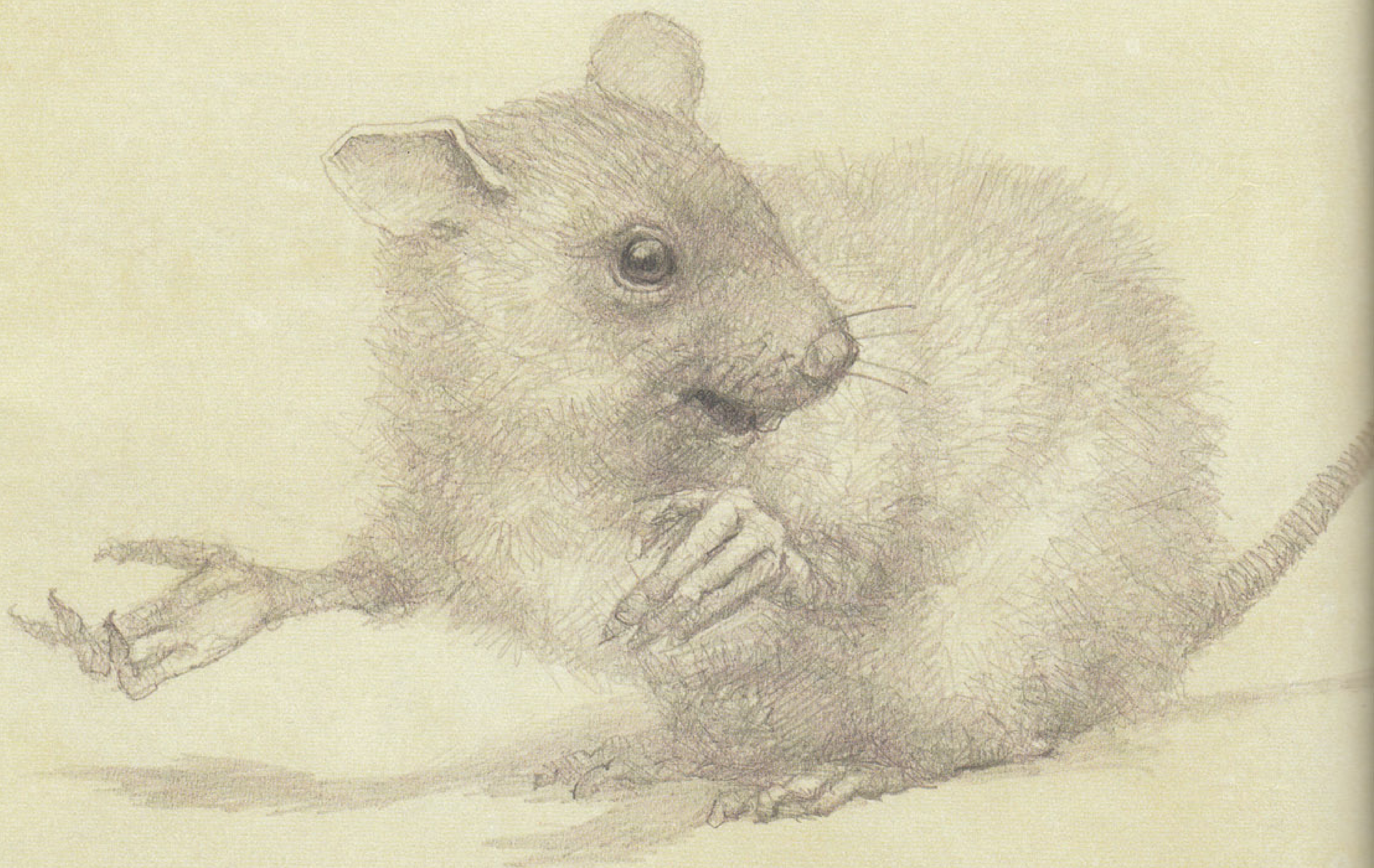

Алисе вся эта церемония показалась очень смешной, но вид у всех был такой серьёзный, что она не посмела засмеяться. Она хотела ответить на речь Додо, но не могла ничего придумать и только чинно поклонилась и взяла напёрсток.

Все принялись за угощенье. Поднялся страшный шум и переполох. Большие птицы мигом проглотили свои цукаты и начали жаловаться, что и распробовать их не успели. А у птичек поменьше цукаты застряли в горле – пришлось хлопать их по спине. Наконец все поели, уселись в круг и попросили Мышь рассказать им ещё что-нибудь.

– Вы обещали рассказать нам свою историю, – сказала Алиса. – И почему вы ненавидите... К и С.

Последнюю фразу она произнесла шёпотом, боясь, как бы не обидеть Мышь снова.

– Это очень длинная и грустная история, – начала Мышь со вздохом.

Помолчав, она вдруг взвизгнула:

– Прохвост!

– Про *хвост*? – повторила Алиса с недоумением и взглянула на её хвост. – Грустная история про *хвост*?

Но Мышь её не слушала – она вся ушла в свой рассказ. И пока она говорила, Алиса всё никак не могла понять, какое это имеет отношение к мышиному хвосту. Поэтому история, которую рассказала Мышь, выглядела в её воображении вот так:

Цап-царап сказал мышке:
– Вот какие делишки,
Мы пойдём с то-
бой в суд, я тебя
засужу. И не
смей отпи-
раться, мы
должны рас-
квитаться,
потому что
всё утро я
без дела сижу.
И на это на-
халу мыш-
ка так отве-
чала: – Без
суда и без
следствия,
сударь, дел
не ведут.
- Я и суд,
я и след-
ствие, –
Цап-царап
ей ответ-
ствует. -
Присужу
тебя к
смерти
я. Тут
тебе
и ка-
пут.

– Ты не слушаешь! – строго сказала Алисе Мышь.

– Нет, почему же, – ответила скромно Алиса. – Вы дошли уже до пятого завитка, не так ли?

– Глупости! – рассердилась Мышь. – Вечно всякие глупости! Как я от них устала! Этого просто не вынести!

– А что вам нужно *вынести*? – спросила Алиса. (Она всегда готова была услужить.) – Давайте, я помогу!

– И не подумаю! – сказала обиженно Мышь, встала и пошла прочь. – Болтаешь какой-то вздор! Ты, верно, хочешь меня оскорбить!

– Что вы! – возразила Алиса. – У меня этого и в мыслях не было! Просто вы всё время обижаетесь.

Мышь в ответ только заворчала.

– Прошу вас, не уходите! – крикнула ей вслед Алиса. – Доскажите нам вашу историю!

И все хором поддержали её:

– Да-да, не уходите!

Но Мышь только мотнула нетерпеливо головой и побежала быстрее.

– Как жаль, что она не пожелала остаться! – вздохнул Попугайчик Лори, как только она скрылась из виду.

А старая Медуза сказала своей дочери:

– Ах, дорогая, пусть это послужит тебе уроком. Нужно всегда держать себя в руках!

– Попридержите-ка лучше язык, маменька, – отвечала юная Медуза с лёгким раздражением. – Не вам об этом говорить. Вы даже устрицу выведете из терпения!

– Вот бы сюда нашу Дину! – сказала громко Алиса, не обращаясь ни к кому в отдельности. – Она бы вмиг притащила её обратно!

– Позвольте вас спросить: кто эта Дина? – поинтересовался Лори.

Алиса всегда была рада поговорить о своей любимице.

– Эта наша кошка, – отвечала она с готовностью. – Вы даже представить себе не можете, как она ловит мышей! А птиц как хватает! Раз – и проглотила, даже косточек не оставила!

Речь эта произвела на собравшихся глубокое впечатление. Птицы заторопились по домам. Старая сорока начала кутаться в шаль.

– Пойду-ка я домой, – сказала она. – Ночной воздух вреден моему горлу.

А Канарейка стала кликать дрожащим голоском своих детишек:

– Идёмте-ка домой, мои дорогие! Вам давно пора в постель!

Вскоре под разными предлогами все разошлись по домам, и Алиса осталась одна.

«И зачем это я заговорила о Дине, – грустно подумала Алиса. – Никому она здесь не нравится. А ведь лучше кошки не сыщешь! Ах, Дина, милочка! Увижу я тебя когда-нибудь или нет?»

Тут бедная Алиса снова заплакала – ей было так грустно и одиноко.

Немного спустя снова послышались лёгкие шаги. Она оглянулась. Может, это Мышь перестала сердиться и пришла, чтобы закончить свой рассказ?

Глава четвёртая

Билль вылетает в трубу

Но это был Белый Кролик. Он медленно трусил назад, с волнением оглядываясь, словно что-то искал. Алиса услышала, как он бормочет про себя:

– Ах, Герцогиня! Герцогиня! Бедные мои лапки! Бедные мои усики! Она же велит меня казнить! Как пить дать велит! Где же я их потерял?

Алиса тут же догадалась, что он ищет веер и белые перчатки, и принялась их искать, желая по доброте сердечной ему помочь. Но веера и перчаток нигде не было. Всё вокруг изменилось – большой зал со стеклянным столиком и дверцей куда-то исчез, словно его и не бывало.

Вскоре Кролик заметил Алису.

– Эй, Мэри-Энн, – сердито крикнул он, – а ты что здесь делаешь? Беги-ка скорей домой и принеси мне пару перчаток и веер! Да поторопись!

Алиса так испугалась, что со всех ног бросилась исполнять поручение. Она даже не попыталась объяснить Кролику, что он ошибся.

«Он, верно, принял меня за горничную, – думала она на бегу. – Вот удивится, когда узнает, кто я такая! Всё равно, отнесу ему перчатки и веер, если только найду, конечно!»

В эту минуту она увидела маленький домик. На двери была прибита медная дощечка, начищенная до блеска, а на дощечке было написано: «Б. Кролик».

Алиса без стука вошла и побежала по лестнице наверх. Она очень боялась встретить настоящую Мэри-Энн. Конечно, та просто выгнала бы её из дому, и она не смогла бы тогда отнести Кролику веер и перчатки.

«Как странно – я у Кролика на побегушках! – думала Алиса. – Не хватает ещё, чтобы Дина давала мне поручения!»

И она принялась выдумывать, как бы это могло быть.

«Мисс Алиса! Идите скорее сюда! Пора на прогулку, а вы ещё не одеты!» – «Сейчас, няня! Я должна последить за мышиной норкой, пока Дина не вернётся. Она велела мне смотреть, чтобы мышка не убежала!» Впрочем, Дину, верно, выгонят, если она станет так распоряжаться!»

Размышляя таким образом, она пробралась в маленькую комнатку, сверкающую чистотой. У окна стоял стол, а на нём, как она и надеялась, лежал веер и несколько пар крошечных перчаток. Алиса взяла веер и пару перчаток и совсем уже собралась выйти из комнатки, как вдруг увидала у зеркала маленький пузырёк. На нём не было написано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!», но Алиса открыла его и поднесла к губам.

«Стоит мне что-нибудь проглотить, – подумала она, – как тут же происходит что-нибудь интересное. Посмотрим, что будет на этот раз! Мне бы очень хотелось снова подрасти. Надоело быть такой крошкой!»

Так оно и случилось – и гораздо скорее, чем предполагала Алиса. Не успела она отпить и половины, как уперлась головой в потолок. Пришлось ей пригнуться, чтоб не сломать себе шею. Она быстро поставила пузырёк на стол.

– Ну, хватит, – сказала она. – Надеюсь, на этом я остановлюсь. Я и так уже в дверь не пролезу. Зачем только я так много выпила!

Увы! Было уже поздно, она всё росла и росла. Пришлось ей встать на ко-

лени, а через минуту и этого оказалось мало. Она легла, согнув одну руку в локте (рука доходила до самой двери), а другой обхватив голову. Через минуту ей снова стало тесно – она продолжала расти. Пришлось ей выставить одну руку в окно, а одну ногу засунуть в дымоход.

Дальше расти было некуда.

«Больше я ничего не могу сделать, что бы там ни случилось, – сказала она про себя. – Что-то со мной будет!»

Но, к счастью, действие волшебного напитка на этом кончилось. Больше она не росла. Правда, легче от этого ей не стало. Особых надежд на спасение не было, и немудрено, что она загрустила.

«Как хорошо было дома! – думала бедная Алиса. – Там я всегда была одного роста! И всякие мыши и кролики мне были не указ. Зачем только я полезла в эту кроличью норку! И всё же... всё же... Такая жизнь мне по душе, всё тут так необычно! Интересно, что же всё-таки со мной произошло? Когда я читала сказки, я твёрдо знала,

что чудес на свете не бывает! А теперь я сама в них угодила! Обо мне надо написать книжку. Большую, хорошую книжку. Вот вырасту и напишу...»

Тут Алиса замолчала и грустно прибавила:

– Да, но ведь я уже выросла... Во всяком случае здесь мне расти больше некуда!

«А вдруг я на этом и остановлюсь? – думала Алиса. – Пожалуй, это неплохо – я тогда не состарюсь! Правда, мне придётся всю жизнь учить уроки. Нет, не хочу!»

– Ах, какая ты глупая, Алиса! – возразила она себе. – Как здесь учить уроки? Тебе самой-то места едва хватает... Куда же ты денешь учебники?

Так она разговаривала и спорила сама с собой, беря то одну сторону, то другую. Беседа получалась очень интересная, но тут под окнами послышался чей-то голос. Она замолчала и прислушалась.

– Мэри-Энн! Мэри-Энн! – кричал голос. – Неси-ка сюда перчатки! Да поторапливайся!

Вслед за тем на лестнице послышался топот маленьких ног. Алиса поняла, что это Кролик её ищет, и, забыв о том, что она теперь в тысячу раз его больше и бояться ей его нечего, так задрожала, что весь дом зашатался.

Кролик подошёл к двери и толкнул её лапкой. Но дверь открывалась в комнату, а так как Алиса упёрлась в неё локтем, она не поддавалась. Алиса услышала, как Кролик сказал:

– Что ж, обойду дом кругом и залезу в окно...

«Ну, нет!» – подумала Алиса.

Подождав, пока он, по её расчётам, должен был подойти к окну, она наугад высунула руку и попробовала его схватить. Послышался крик, что-то шлёпнулось, зазвенело разбитое стекло. Видно, он упал в теплицы, в которых выращивали огурцы.

Потом раздался сердитый крик:

– Пат! Пат! – кричал Кролик. – Да где же ты?

А какой-то голос, которого Алиса раньше не слышала, отвечал:

– Я тут! Яблочки копаю, ваша честь!

– Яблочки копаю! – рассердился Кролик. – Нашёл время! Лучше помоги мне выбраться отсюда!

Снова зазвенело разбитое стекло.

– Скажи-ка, Пат, что это там в окне?

– Рука, конечно, ваша честь!

(Последние два слова он произносил в одно – получалось что-то вроде «вашчсть!».)

– Дубина, какая ж это рука? Ты когда-нибудь видел такую руку? Она же в окно едва влезла!

– Оно, конечно, так, вашчсть! Только это рука!

– Ей там во всяком случае не место! Иди и убери её, Пат!

Наступило долгое молчание. Алиса с трудом различала тихий шёпот:

– Вашчсть, не лежит у меня сердце... Не надо, вашчсть! Прошу вас...

– Трус ты эдакий! Делай, что тебе говорят!

Тут Алиса снова пошевелила пальцами в воздухе. На этот раз послышался крик двух голосов. И снова посыпались стёкла.

«Какие большие там теплицы! – подумала Алиса. – Интересно, что они теперь будут делать! «Убери её, Пат!» Я бы и сама была рада отсюда убраться! Вот бы они мне помогли!»

Она ещё немножко подождала, но всё было тихо. Немного спустя послышался скрип колёс и гул голосов. Их было много, и все говорили наперебой.

– А где вторая лестница?

– Я привёз только одну. Вторую Билль привезёт!

– Эй, Билль! Тащи-ка её сюда!

– Ставьте их с этого угла!

– Надо сначала их связать! Они и до середины не достают!

– Достанут, не бойся!

– Эй, Билль! Лови верёвку!

– А крыша выдержит?

– Осторожно! Эта черепица шатается...

– Сорвалась! Падает!

– Головы береги!

Послышался громкий треск.

– Ну вот, это кто же наделал?

– Сдаётся мне, что Билль!

– Кто полезет в трубу?

– Я не полезу! Сам полезай!

– Ну уж нет! Ни за какие коврижки!

– Пусть лезет Билль!

– Эй, Билль! Слышишь? Хозяин велит тебе лезть!

«Ах вот оно что! – сказала про себя Алиса. – Значит, лезть придётся Биллю? Всё на него сваливают! Я бы ни за что не согласилась быть на его месте. Камин здесь, конечно, невелик, особенно не размахнёшься, а всё же лягнуть его я сумею!»

Алиса просунула ногу подальше в камин и стала ждать. Наконец она услышала, что в дымоходе прямо над ней кто-то шуршит и скребётся (что это был за зверёк, она не могла догадаться).

«А вот и Билль! – сказала она про себя и изо всех сил наподдала ногой. – Интересно, что теперь будет!»

Сначала она услышала, как все закричали:

– Билль! Билль! Вот летит Билль!

Потом голос Кролика:

– Эй, там, у кустов! Ловите его!

Потом молчание и снова взволнованные голоса:

– Голову, голову держите!

– Дайте ему бренди!

– Расступитесь! Дайте ему вздохнуть!

– Ну как, старина?

– Что это было, старина?

– Расскажи, что случилось, старина!

Наконец раздался тоненький, слабый голос. («Это и есть Билль», – подумала Алиса.)

– Сам не знаю... Спасибо, больше не нужно. Мне уже лучше... Вот только с мыслями никак не соберусь. Чувствую, что-то меня снизу поддало – и р-раз в небо, как ракета!

– Вот уж точно, как ракета! – поддержали остальные.

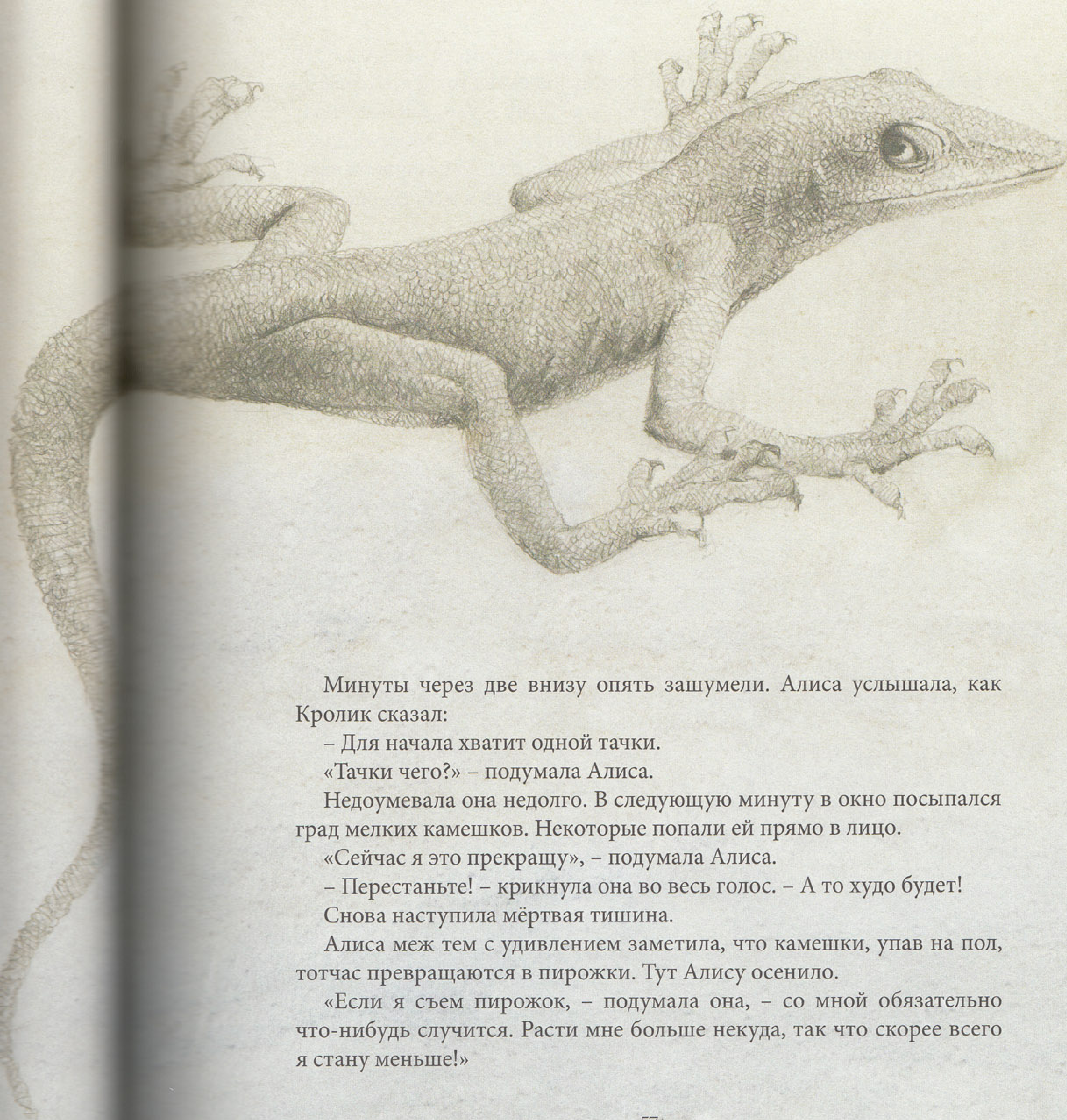
– Нужно поджечь дом! – сказал вдруг Кролик.

Алиса крикнула во весь голос:

– Попробуйте только, я натравлю на вас Дину!

Мгновенно наступила мёртвая тишина.

«Интересно, что они теперь будут делать? – подумала Алиса. – Если бы они что-нибудь соображали, они бы сняли крышу!»

Минуты через две внизу опять зашумели. Алиса услышала, как Кролик сказал:

– Для начала хватит одной тачки.

«Тачки чего?» – подумала Алиса.

Недоумевала она недолго. В следующую минуту в окно посыпался град мелких камешков. Некоторые попали ей прямо в лицо.

«Сейчас я это прекращу», – подумала Алиса.

– Перестаньте! – крикнула она во весь голос. – А то худо будет!

Снова наступила мёртвая тишина.

Алиса меж тем с удивлением заметила, что камешки, упав на пол, тотчас превращаются в пирожки. Тут Алису осенило.

«Если я съем пирожок, – подумала она, – со мной обязательно что-нибудь случится. Расти мне больше некуда, так что скорее всего я стану меньше!»

Она проглотила один пирожок и с радостью заметила, что росту в ней поубавилось. Как только она уменьшилась настолько, что смогла пройти в дверь, она тотчас выбежала из дому и увидела под окнами целую толпу птиц и зверюшек. В середине лежал на земле бедный Ящерка Билль, две морские свинки поддерживали ему голову и чем-то поили из бутылки. Увидев Алису, все бросились к ней, но она пустилась наутёк и вскоре оказалась в дремучем лесу.

– Прежде всего нужно принять прежний вид, – сказала Алиса, пробираясь меж деревьев. – А потом найти дорогу в тот чудесный сад. Так и сделаю – лучше не придумаешь!

И вправду, план был замечательный – такой простой и ясный. Одно только плохо: Алиса не имела ни малейшего представления о том, как всё это сделать. Она с тревогой вглядывалась в чащу, как вдруг прямо у неё над головой кто-то громко тявкнул. Она вздрогнула и подняла глаза.

Гигантский щенок смотрел на неё огромными круглыми глазами и тихонько протягивал лапу, стараясь коснуться её.

– Бе-е-дненький, ма-а-ленький! – сказала заискивающе Алиса и попробовала посвистать ему, но губы у неё дрожали, и свист не получился. А что, если щенок голоден? Чего доброго, ещё съест, как перед ним ни заискивай!

Алиса нагнулась, подняла с земли палочку и не отдавая себе отчёта в том, что делает, протянула её щенку. Щенок взвизгнул от счастья, подпрыгнул всеми лапами в воздух и ухватился за палку. Алиса увернулась и спряталась за куст чертополоха, испугавшись, как бы щенок на радостях её не затоптал. Только она показалась из-за куста, как щенок снова бросился на палку, но не рассчитал силы и полетел кувырком. «Играть с ним, – подумала Алиса, – всё равно что играть с ломовой лошадью – того и гляди, погибнешь под копытами!» Алиса снова юркнула за чертополох. А щенок не мог оторваться от палки: отбегал подальше, с хриплым лаем бросался на неё, а потом снова отбегал. Наконец он устал и, тяжело дыша, уселся поодаль, высунув язык и полуприкрыв свои огромные глаза.

Время улизнуть было самое подходящее. Алиса не стала терять ни минуты. Она бежала, пока совсем не задохнулась от усталости и лай щенка не затих в отдалении. Тогда она остановилась и, прислонясь к стеблю лютика, стала обмахиваться его листом.

– А щенок-то какой чудесный! – сказала задумчиво Алиса. – Я бы могла его научить разным фокусам, если б... если б только я была нужного роста! Да, кстати, чуть не забыла, мне бы надо ещё подрасти! Дайте-ка вспомнить, как это делается? Если не ошибаюсь, нужно что-то съесть или выпить. Только вот что?

Да, но что? Алиса поглядела кругом на цветы и травы, но не увидела ничего подходящего. Неподалёку стоял гриб – большой, почти с неё ростом. Она заглянула за него, и под него, и по обе стороны от него. Тут ей пришло в голову, что, если уж на то пошло, можно посмотреть, нет ли у него чего-нибудь на шляпке?

Она поднялась на цыпочки, заглянула наверх – и встретилась глазами с огромной синей гусеницей. Та сидела, скрестив на груди руки, и томно курила кальян, не обращая никакого внимания на то, что творится вокруг.

Глава пятая

Синяя Гусеница даёт совет

Алиса и Синяя Гусеница долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Наконец Гусеница вынула кальян изо рта и медленно, словно в полусне, заговорила:

– Ты... кто... такая?

Начало не очень-то располагало к беседе.

– Сейчас, право, не знаю, сударыня, – отвечала Алиса робко. – Я знаю, кем я была сегодня утром, когда проснулась, но с тех пор я уже несколько раз менялась.

– Что это ты выдумываешь? – строго спросила Гусеница. – Да ты в своём уме?

– Не знаю, – отвечала Алиса. – Должно быть, в чужом. Видите ли...

– Не вижу, – сказала Гусеница.

– Боюсь, что не сумею вам всё это объяснить, – учтиво промолвила Алиса. – Я и сама ничего не понимаю. Столько превращений в один день хоть кого собьёт с толку.

– Не собьёт, – сказала Гусеница.

– Вы с этим, верно, ещё не сталкивались, – пояснила Алиса. – Но когда вам придётся превращаться в куколку, а потом в бабочку, вам это тоже покажется странным.

– Нисколько! – сказала Гусеница.

– Что ж, возможно, – проговорила Алиса. – Я только знаю, что мне бы это было странно.

– Тебе! – повторила Гусеница с презрением. – А кто ты такая?

Это вернуло их к началу беседы. Алиса немножко рассердилась – уж очень неприветливо говорила с ней Гусеница. Она выпрямилась и произнесла, стараясь, чтобы голос её звучал повнушительнее:

– По-моему, это вы должны мне сказать сначала, кто вы такая.

– Почему? – спросила Гусеница.

Вопрос поставил Алису в тупик. Она ничего не могла придумать, а Гусеница, видно, просто была не в духе, так что Алиса повернулась и пошла прочь.

– Вернись! – закричала Гусеница ей вслед. – Мне нужно сказать тебе что-то очень важное.

Это звучало заманчиво, и Алиса вернулась.

– Держи себя в руках! – сказала Гусеница.

– Это всё? – спросила Алиса, стараясь не сердиться.

– Нет, – отвечала Гусеница.

Алиса решила подождать, всё равно делать ей было нечего, а вдруг всё же Гусеница скажет что-нибудь стоящее? Сначала та долго сосала кальян, но наконец вынула мундштук изо рта и сказала:

– Значит, по-твоему, ты изменилась?

– Да, сударыня, – отвечала Алиса, – и это очень грустно. То одного становлюсь роста, то другого и ничего не помню.

– Ничего не помнишь? – спросила Гусеница.

– Ничего! – сказала с тоской Алиса. – Я пробовала прочитать «Дом, который построил Джек», а получилось что-то совсем другое.

– Попробуй «Папу Вильяма», – предложила Гусеница. – Это моё любимое стихотворение.

И, не дожидаясь, пока Алиса начнёт, Гусеница стала читать сама:

– Папа Вильям, – сказал любознательный сын, –
Голова твоя вся поседела,
Но здоров ты и крепок, дожив до седин,
Как ты думаешь, в чём же тут дело?

– В ранней юности, – старец промолвил в ответ, –
Знал я: наша весна быстротечна.
И берёг я здоровье с младенческих лет,
Не растрачивал силы беспечно...

– Как там дальше? – спросила Гусеница.

– Не знаю, – отвечала грустно Алиса. – Я могу читать только с начала.

– Что ж, читай с начала, – сказала Гусеница. – Хорошие стихи всегда приятно послушать.

Алиса сложила руки и начала:

– Папа Вильям, – сказал любопытный малыш, –
Голова твоя белого цвета.
Между тем ты всегда вверх ногами стоишь.
Как ты думаешь, правильно это?

– В ранней юности, – старец промолвил в ответ, –
Я боялся раскинуть мозгами,
Но, узнав, что мозгов в голове моей нет,
Я спокойно стою вверх ногами.

– Ты старик, – продолжал любопытный юнец, –
Этот факт я отметил вначале.
Почему ж ты так ловко проделал, отец,
Троекратное сальто-мортале?

– В ранней юности, – сыну ответил старик, –
Натирался я мазью особой,
На два шиллинга банка – один золотник,
Вот, не купишь ли банку на пробу?

– Ты немолод, – сказал любознательный сын, –
Сотню лет ты без малого прожил.
Между тем двух гусей за обедом один
Ты от клюва до лап уничтожил.

– В ранней юности мышцы своих челюстей
Я развил изучением права,
И так часто я спорил с женою своей,
Что жевать научился на славу!

– Мой отец, ты простишь ли меня, несмотря
На неловкость такого вопроса:
Как сумел удержать ты живого угря
В равновесье на кончике носа?

– Нет, довольно! – сказал возмущённый отец. –
Есть границы любому терпенью.
Если пятый вопрос ты задашь, наконец,
Сосчитаешь ступень за ступенью!

– Всё неверно, – сказала Гусеница.

– Да, не совсем верно, – робко согласилась Алиса. – Некоторые слова не те.

– Всё не так, от самого начала и до самого конца, – строго проговорила Гусеница.

Наступило молчание.

– А какого роста ты хочешь быть? – спросила наконец Гусеница.

– Ах, всё равно, – быстро сказала Алиса. – Только, знаете, так неприятно всё время меняться...

– Не знаю, – отрезала Гусеница.

Алиса молчала: никогда в жизни ей столько не перечили, и она чувствовала, что теряет терпение.

– А теперь ты довольна? – спросила Гусеница.

– Если вы не возражаете, сударыня, – отвечала Алиса, – мне бы хотелось хоть капельку подрасти. Три дюйма – такой ужасный рост!

– Это прекрасный рост! – сердито закричала Гусеница и вытянулась во всю длину. (В ней было ровно три дюйма.)

– Но я к нему не привыкла! – жалобно протянула бедная Алиса. А про себя подумала: «До чего они тут все обидчивые!»

– Со временем привыкнешь, – возразила Гусеница, сунула мундштук в рот и пустила дым в воздух.

Алиса терпеливо ждала, пока Гусеница не соблаговолит снова обратить на неё внимание. Минуты через две Гусеница вынула кальян изо рта, зевнула раз-другой и потянулась. Потом она сползла с гриба и скрылась в траве, бросив Алисе на прощанье:

– Откусишь с одной стороны – подрастёшь, а с другой – уменьшишься!

«С одной стороны *чего*? – подумала Алиса. – С другой стороны *чего*?»

– Гриба, – ответила Гусеница, словно услышав вопрос, и исчезла из виду.

С минуту Алиса задумчиво смотрела на гриб, пытаясь определить, где у него одна сторона, а где – другая; гриб был круглый, и это совсем сбило её с толку. Наконец она решилась: обхватила гриб руками и отломила с каждой стороны по кусочку.

«Интересно, какой из них какой?» – подумала она и откусила немножко от того, который держала в правой руке. В ту же минуту кто-то ударил её снизу в челюсть: это её подбородок стукнулся о ноги!

Столь внезапная перемена очень её напугала; нельзя было терять ни минуты, ибо она стремительно уменьшалась. Алиса взялась за другой кусок, но подбородок её так прочно прижало к ногам, что она никак не могла открыть рот. Наконец ей это удалось, и она откусила немного из левой руки.

– Ну вот, голова наконец освободилась! – радостно воскликнула Алиса. Впрочем, радость её тут же сменилась тревогой: куда-то пропали плечи. Она взглянула вниз, но увидела только шею невероятной длины, которая возвышалась, словно огромный шест над зелёным морем листвы.

– Что это за зелень? – промолвила Алиса. – И куда девались мои плечи? Бедные мои ручки, где вы? Почему я вас не вижу?

С этими словами она пошевелила руками, но увидеть их всё равно не смогла, только по листве далеко внизу прошёл шелест.

Убедившись, что поднять руки к голове не удаётся, Алиса решила нагнуть к ним голову и с восторгом убедилась, что шея у неё, словно змея, гнётся в любом направлении. Алиса выгнула шею изящным зигзагом, готовясь нырнуть в листву (ей уже стало ясно, что это верхушки деревьев, под которыми она только что стояла), как вдруг послышалось громкое шипение. Она вздрогнула и отступила. Прямо в лицо ей, яростно размахивая крыльями, кинулась горлица.

– Змея! – кричала Горлица.

– Никакая я не змея! – возмутилась Алиса. – Оставьте меня в покое!

– А я говорю – змея! – повторила Горлица несколько сдержаннее. И, всхлипнув, прибавила: – Я всё испробовала – и всё без толку! Им ничего не подходит!

– Понятия не имею, о чём вы говорите! – сказала Алиса.

– Корни деревьев, речные берега, кусты, – продолжала Горлица, не слушая. – Ох, эти змеи! На них не угодишь!

Алиса недоумевала всё больше и больше. Впрочем, она понимала, что, пока Горлица не кончит, задавать ей вопросы бессмысленно.

– Мало того что я высиживаю птенцов, ещё сторожи их день и ночь от змей! Вот уже три недели, как я глаз не сомкнула ни на минутку!

– Мне очень жаль, что вас так тревожат, – сказала Алиса.

Она начала понимать, в чём дело.

– И стоило мне устроиться на самом высоком дереве, – продолжала Горлица всё громче и громче и наконец срываясь на крик, – стоило мне подумать, что я наконец-то от них избавилась, как нет! Они тут как тут! Лезут на меня прямо с неба! У-у! Змея подколодная!

– Никакая я не змея! – сказала Алиса. – Я просто... просто...

– Ну, скажи, скажи, кто ты такая? – подхватила Горлица. – Сразу видно, хочешь что-то придумать.

– Я... я... маленькая девочка, – сказала Алиса не очень уверенно, вспомнив, сколько раз она менялась за этот день.

– Ну уж, конечно! – ответила Горлица с величайшим презрением. – Видала я на своём веку много маленьких девочек, но с такой шеей – ни одной! Нет, меня не проведёшь! Самая настоящая змея – вот ты кто! Ты мне ещё скажешь, что ни разу не пробовала яиц.

– Нет, почему же, пробовала, – отвечала Алиса. (Она всегда говорила правду.) – Девочки, знаете, тоже едят яйца.

– Я этому не верю, – сказала Горлица. – Но, если это так, тогда они тоже змеи! Больше мне нечего сказать.

Мысль эта так поразила Алису, что она замолчала. А Горлица прибавила:

– Знаю, знаю, ты яйца ищешь! А девочка ты или змея – мне это безразлично.

– Но мне это совсем не безразлично, – поспешила возразить Алиса. – И, по правде сказать, яйца я не ищу! А если даже и искала б, то ваши мне всё равно бы не понадобились. Я сырые не люблю!

– Ну́, тогда убирайся! – сказала хмуро Горлица и снова уселась на своё гнездо.

А Алиса стала спускаться на землю, что оказалось совсем не просто: шея то и дело запутывалась среди ветвей, так что приходилось останавливаться и вытаскивать её оттуда. Немного спустя Алиса вспомнила, что всё ещё держит в руках кусочки гриба, и принялась понемножку откусывать сначала от одного, а потом от другого, то вырастая, то уменьшаясь, пока наконец не приняла прежнего своего вида.

Поначалу это показалось ей очень странным, так как она успела уже отвыкнуть от собственного роста, но вскоре она освоилась и начала опять беседовать сама с собой:

– Ну вот, половина задуманного сделана! Как удивительны все эти перемены! Не знаешь, что с тобой будет в следующий миг... Ну ничего, сейчас у меня рост опять прежний. А теперь надо попасть в тот сад. Хотела бы я знать, как это сделать?

Тут она вышла на полянку, где стоял маленький домик, не более четырёх футов вышиной.

«Интересно, кто там живёт? – подумала Алиса. – Но мне нельзя туда идти, я слишком большая. Перепугаю их до смерти!»

Она принялась за гриб и не подходила к дому до тех пор, пока не уменьшилась до девяти дюймов.

Глава шестая

Поросёнок и перец

С минуту она стояла и смотрела в раздумье на дом. Вдруг из лесу выбежал ливрейный лакей и забарабанил в дверь. (Что это лакей, она решила по ливрее; если же судить по его внешности, это был просто лещ.) Ему открыл другой ливрейный лакей с круглой физиономией и выпученными глазами, очень похожий на лягушонка. Алиса заметила, что у обоих на голове пудреные парики с длинными локонами. Ей захотелось узнать, что здесь происходит, она спряталась за дерево и стала слушать.

Лакей-Лещ вынул из-под мышки огромное письмо (величиной с него самого, не меньше) и передал его Лягушонку.

– Герцогине, – произнёс он с необычайной важностью. – От Королевы. Приглашение на крокет.

Лягушонок принял письмо и так же важно повторил его слова, лишь слегка изменив их порядок:

– От Королевы. Герцогине. Приглашение на крокет.

Затем они поклонились друг другу так низко, что кудри их смешались.

Алису такой смех разобрал, что ей пришлось убежать подальше в лес, чтобы они не услышали; когда она вернулась и выглянула из-за дерева, Лакея-Леща уже не было, а Лягушонок сидел возле двери на земле, бессмысленно уставившись в небо.

Алиса робко подошла к двери и постучала.

– Ни к чему стучать, – сказал Лакей. – По двум причинам ни к чему. Во-первых, я с той же стороны двери, что и ты. А во-вторых, они там так шумят, что никто тебя всё равно не услышит.

И правда, в доме стоял страшный шум: кто-то визжал, кто-то чихал, а временами слышался оглушительный звон, будто там били посуду.

– Скажите, пожалуйста, как мне попасть в дом? – спросила Алиса.

– Ты бы ещё могла стучать, – продолжал Лягушонок, не отвечая на вопрос, – если б между нами была дверь. Например, если б ты была там, ты бы постучала, и я бы тогда тебя выпустил.

Всё это время он не отрываясь смотрел в небо. Это показалось Алисе ужасно невежливым.

«Возможно, он в этом не виноват, – подумала она. – Просто у него глаза на макушке. Но на вопросы, конечно, он мог бы и ответить».

– Как мне попасть в дом?– повторила она громко.

– Буду здесь сидеть, – сказал Лягушонок, – хоть до завтра...

В эту минуту дверь распахнулась, и в голову Лягушонка полетело огромное блюдо. Но Лягушонок и глазом не моргнул. Блюдо пролетело мимо, слегка задев его по носу, и разбилось о дерево у него за спиной.

– ...или до послезавтра, – продолжал он как ни в чём не бывало.

– Как мне попасть в дом? – повторила Алиса громче.

– А стоит ли туда попадать? – сказал Лягушонок. – Вот в чём вопрос.

Может быть, так оно и было, но Алисе это совсем не понравилось.

«Как они любят спорить, эти зверюшки! – подумала она. – С ума сведут своими разговорами!»

А Лягушонок, видно, решил, что сейчас самое время повторить свои замечания с небольшими вариациями.

– Так и буду здесь сидеть, – сказал он, – день за днём, месяц за месяцем...

– Что же мне делать? – спросила Алиса.

– Что хочешь, – ответил Лягушонок и засвистал.

«Нечего с ним разговаривать, – с досадой подумала Алиса. – Он такой глупый!»

Она толкнула дверь и вошла.

В просторной кухне стоял густой дым; посредине на колченогом табурете сидела Герцогиня и качала младенца; кухарка у печи склонилась над огромным котлом, до краёв наполненным супом.

«В этом супе слишком много перцу!» – подумала Алиса. Она расчихалась и никак не могла остановиться.

Во всяком случае, в воздухе перцу было слишком много. Даже Герцогиня время от времени чихала, а младенец чихал и визжал без передышки. Только кухарка не чихала, да ещё огромный кот, что сидел у печи и улыбался до ушей.

– Скажите, пожалуйста, почему это ваш кот так улыбается? – спросила Алиса робко. Она не знала, хорошо ли ей заговаривать первой, но не могла удержаться.

– Потому, – сказала Герцогиня. – Это Чеширский Кот – вот почему! Ах ты поросёнок!

Последние слова она произнесла с такой яростью, что Алиса прямо подпрыгнула. Но она тут же поняла, что это относится не к ней, а к младенцу, и с решимостью продолжала:

– Я и не знала, что Чеширские Коты всегда улыбаются. По правде говоря, я вообще не знала, что коты умеют улыбаться.

– Умеют, – отвечала Герцогиня. – И почти все улыбаются.

– Я ни одного такого кота не видала, – учтиво заметила Алиса, очень довольная тем, что беседа идёт так хорошо.

– Ты многого не видала, – отрезала Герцогиня. – Это уж точно!

Алисе совсем не понравился её тон, и она решила перевести разговор на что-нибудь другое. Пока она размышляла, о чём бы ещё поговорить, кухарка сняла котёл с печи и, не тратя попусту слов, принялась швырять всё, что попадало ей под руку, в Герцогиню и младенца. Совок, кочерга, щипцы для угля полетели им в головы. За ними последовали чашки, тарелки и блюдца. Но Герцогиня

SAL

и бровью не повела, хоть кое-что в неё и попало. А младенец и раньше так заливался, что невозможно было понять, больно ему или нет.

– Осторожней, прошу вас, – закричала Алиса в ужасе. – Ой, прямо в нос! Бедный носик!

(В эту минуту прямо мимо младенца пролетело огромное блюдо и чуть не отхватило ему нос.)

– Если бы кое-кто не совался в чужие дела, – проворчала Герцогиня, – Земля бы вертелась быстрее!

– Ничего хорошего из этого бы не вышло, – сказала Алиса, радуясь случаю показать свои знания. – Дни и ночи совсем бы смешались. Ведь Земля совершает оборот за двадцать четыре часа...

– *Оборот*? – повторила Герцогиня задумчиво.

И, повернувшись к кухарке, прибавила:

– Возьми-ка её в оборот! Для начала оттяпай ей голову!

Алиса с тревогой взглянула на кухарку, но та не обратила на этот намёк никакого внимания и продолжала мешать свой суп.

– Кажется, за двадцать четыре часа, – продолжала задумчиво Алиса, – а может, за двенадцать?

– Оставь меня в покое, – сказала Герцогиня. – С цифрами я никогда не ладила!

Тут она запела колыбельную и принялась качать младенца, яростно встряхивая его в конце каждого куплета.

Лупите своего сынка
За то, что он чихает.
Он дразнит вас наверняка,
Нарочно раздражает!

ПРИПЕВ
(Его подхватили младенец и кухарка.)

Гав! Гав! Гав!

Герцогиня запела второй куплет. Она подбрасывала младенца к потолку и ловила его, а тот так визжал, что Алиса едва разбирала слова.

Сынка любая лупит мать
За то, что он чихает.
Он мог бы перец обожать,
Да только не желает!

ПРИПЕВ
Гав! Гав! Гав!

– Держи! – крикнула вдруг Герцогиня и швырнула Алисе младенца. – Можешь покачать его немного, если это тебе так нравится. А мне надо пойти и переодеться к крокету у Королевы.

С этими словами она выбежала из кухни. Кухарка швырнула ей вдогонку кастрюлю, но промахнулась.

Алиса чуть-чуть не выронила младенца из рук. Вид у него был какой-то странный, а руки и ноги торчали в разные стороны, как у морской звезды. Бедняжка пыхтел, словно паровоз, и весь изгибался, так что Алиса с трудом удерживала его.

Наконец она поняла, как надо с ним обращаться: взяла его одной рукой за правое ухо, а другой – за левую ногу, скрутила в узел и держала, не выпуская ни на минуту. Так ей удалось вынести его из дома.

«Если я не возьму малыша с собой, – подумала Алиса, – они через денёк-другой его прикончат. Оставить его здесь – просто преступление!»

Последние слова она произнесла вслух, и младенец тихонько хрюкнул в знак согласия (чихать он уже перестал).

– Не хрюкай, – сказала Алиса. – Выражай свои мысли как-нибудь по-другому!

Младенец снова хрюкнул. Алиса с тревогой взглянула ему в лицо. Оно показалось ей очень подозрительным: нос такой вздёрнутый,

что походил скорее на пятачок, а глаза для младенца слишком маленькие. В целом вид его Алисе совсем не понравился.

«Может, он просто всхлипнул», – подумала она и посмотрела ему в глаза, нет ли там слёз.

Слёз не было и в помине.

– Вот что, мой милый, – сказала Алиса серьёзно, – если ты превратишься в поросёнка, я с тобой возиться не буду. Так и знай!

Бедняжка снова всхлипнул (или всхрюкнул, трудно сказать!), и они продолжали свой путь в молчании.

Алиса уже начала подумывать о том, что с ним делать, когда она вернётся домой, как вдруг он опять захрюкал, да так громко, что она перепугалась. Она вгляделась ему в лицо и ясно увидела – это был самый настоящий поросёнок! Глупо было бы нести его дальше.

Алиса пустила его на землю и очень обрадовалась, увидев, как весело он затрусил прочь.

«Если б он немного подрос, – подумала она, – из него бы вышел весьма неприятный ребёнок. А как поросёнок он очень мил!»

И она принялась вспоминать других детей, из которых вышли бы отличные поросята.

«Если б только знать, как это делается», – подумала она и вздрогнула. В нескольких шагах от неё сидел на ветке Чеширский Кот.

Завидев Алису, Кот только улыбнулся. Вид у него был добродушный, но когти длинные, а зубов так много, что Алиса сразу поняла, что с ним шутки плохи.

– Котик! Чешик! – робко начала Алиса. Она не знала, понравится ли ему это имя, но он только шире улыбнулся в ответ.

«Ничего, – подумала Алиса, – кажется, доволен».

Вслух же она спросила:

– Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

– А куда ты хочешь попасть? – ответил Кот.

– Мне всё равно... – сказала Алиса.

– Тогда всё равно, куда и идти, – заметил Кот.

– ...только бы попасть куда-нибудь, – пояснила Алиса.

– Куда-нибудь ты обязательно попадёшь, – сказал Кот. – Нужно только достаточно долго идти, никуда не сворачивая!

С этим нельзя было не согласиться. Алиса решила перевести разговор.

– А что здесь за люди живут? – спросила она.

– Вон там, – сказал Кот и махнул правой лапой, – живёт Шляпных Дел Мастер. А там, – и он махнул левой, – живёт Мартовский Заяц. Всё равно, к кому ты пойдёшь. Оба не в своём уме.

– Почему? – удивилась Алиса.

– Мастер столько возился с болванками для шляп, что совсем оболванился. Теперь все зовут его просто Болванщик. Ну, а Мартовский Заяц вконец окосел от весеннего мартовского солнца...

– На что мне безумцы? – сказала Алиса.

– Ничего не поделаешь, – возразил Кот. – Все мы здесь не в своём уме – и ты, и я!

– Откуда вы знаете, что я не в своём уме? – спросила Алиса.

– Конечно, не в своём, – ответил Кот. – Иначе как бы ты здесь оказалась?

Довод этот показался Алисе совсем неубедительным, но она не стала спорить, а только спросила:

– А откуда вы знаете, что вы не в своём уме?

– Начнём с того, – сказал Кот, – что пёс в своём уме. Согласна?

– Допустим, – согласилась Алиса.

– Дальше, – сказал Кот. – Пёс ворчит, когда сердится, а когда доволен, виляет хвостом. Ну а я ворчу, когда я доволен, и виляю хвостом, когда сержусь. Следовательно, я не в своём уме.

– По-моему, вы не ворчите, а мурлыкаете, и не виляете, а бьёте хвостом, – возразила Алиса. – Во всяком случае, я это так называю!

– Называй как хочешь, – ответил Кот. – Суть от этого не меняется. Ты играешь сегодня в крокет у Королевы?

– Мне бы очень хотелось, – сказала Алиса, – но меня ещё не пригласили.

– Тогда до вечера, – сказал Кот и исчез.

Алиса не очень этому удивилась, она уже начала привыкать ко всяким странностям. Она стояла и смотрела на ветку, где только что сидел Кот, как вдруг он снова возник на том же месте.

– Кстати, что сталось с ребёнком? – сказал Кот. – Совсем забыл тебя спросить.

– Он превратился в поросёнка, – отвечала Алиса и глазом не моргнув.

– Я так и думал, – сказал Кот и снова исчез.

Алиса подождала немножко, не появится ли он опять, но он не появлялся, и она пошла туда, где, по его словам, жил Мартовский Заяц.

– Шляпных Дел Мастеров я уже видела, – говорила она про себя. – Мартовский Заяц, по-моему, куда интереснее. К тому же сейчас май – возможно, он уже пришёл немножко в себя.

Тут она подняла глаза и снова увидела Кота.

– Как ты сказала, в поросёнка или гусёнка? – спросил Кот.

– Я сказала – в поросёнка, – ответила Алиса. – А можете вы исчезать и появляться не так внезапно? А то у меня голова идёт кругом.

– Хорошо, – сказал Кот и исчез, на этот раз очень медленно. Первым исчез кончик его хвоста, а последней – улыбка. Она долго ещё парила в воздухе, когда всё остальное уже пропало.

«Д-да! – подумала Алиса. – Видала я котов без улыбок, но улыбка без кота! Такого я в жизни ещё не встречала».

Пройдя немного дальше, она увидела домик Мартовского Зайца. Ошибиться было невозможно – на крыше из заячьего меха торчали две трубы, удивительно похожие на заячьи уши. Дом был такой большой, что Алиса решила сначала съесть немного гриба, который она держала в левой руке. Подождав, пока не вырастет до двух футов, она неуверенно двинулась к дому.

«А вдруг он всё-таки буйный? – думала она. – Пошла бы я лучше к Болванщику!»

In This Style 10/6

Глава седьмая

БЕЗУМНОЕ ЧАЕПИТИЕ

Около дома под деревом стоял накрытый стол, а за столом пили чай Мартовский Заяц и Болванщик; между ними крепко спала Мышь-Соня. Болванщик и Заяц облокотились на неё, словно на подушку, и разговаривали через её голову.

«Бедная Соня, – подумала Алиса. – Ей, наверно, неудобно? Впрочем, она спит, значит, ей всё равно».

Стол был большой, но чаёвники сидели с одного края, на уголке. Завидев Алису, они закричали:

– Занято! Занято! Мест нет!

– Как это нет?! – возмутилась Алиса и уселась в большое кресло во главе стола.

– Выпей вина, – бодро предложил Мартовский Заяц.

Алиса посмотрела на стол, но не увидела ни бутылки, ни рюмок.

– Я что-то его не вижу, – сказала она.

– Ещё бы! Его здесь и нет! – отвечал Мартовский Заяц.

– Зачем же вы мне его предлагаете! – рассердилась Алиса. – Это не очень-то вежливо!

– А зачем ты уселась без приглашения? – ответил Мартовский Заяц. – Это тоже невежливо!

– Я не знала, что это стол на троих, – сказала Алиса. – Приборов здесь гораздо больше.

– Что-то ты слишком обросла! – заговорил вдруг Болванщик. До сих пор он молчал и только с любопытством разглядывал Алису. – Не мешало бы постричься.

– Потрудитесь не переходить на личности, – строго ответила Алиса. – Это очень грубо.

Болванщик оторопел.

– Чем ворон похож на конторку? – спросил он, помолчав.

«Так-то лучше, – подумала Алиса. – Загадки – это гораздо веселее...»

– По-моему, это я могу отгадать, – сказала она вслух.

– Ты хочешь сказать, что думаешь, будто знаешь ответ на эту загадку? – спросил Мартовский Заяц.

– Совершенно верно, – согласилась Алиса.

– Так бы и сказала, – заметил Мартовский Заяц. – Нужно всегда говорить то, что думаешь.

– Я так и делаю, – поспешила объяснить Алиса. – По крайней мере... По крайней мере, я думаю то, что говорю... а это одно и то же...

– Совсем не одно и то же, – возразил Болванщик. – Так ты ещё, чего доброго, скажешь, будто «Я вижу то, что ем» и «Я ем то, что вижу» – одно и то же!

– Так ты ещё скажешь, будто «Что имею, то люблю» и «Что люблю, то имею» одно и то же! – подхватил Мартовский Заяц.

– Так ты ещё скажешь, – проговорила, не открывая глаз, Соня, – будто «Я дышу, пока сплю» и «Я сплю, пока дышу» одно и то же!

– Для тебя-то это, во всяком случае, одно и то же! – сказал Болванщик, и на этом разговор оборвался.

С минуту все сидели молча. Алиса пыталась вспомнить то немногое, что она знала про воронов и конторки.

Первым заговорил Болванщик.

– Какое сегодня число? – спросил он, поворачиваясь к Алисе и вынимая из кармана часы. Он с тревогой поглядел на них, потряс и приложил к уху.

Алиса подумала и ответила:

– Четвёртое.

– Отстают на два дня, – вздохнул Болванщик.

– Я же говорил: нельзя их смазывать сливочным маслом! – прибавил он сердито, поворачиваясь к Мартовскому Зайцу.

– Масло было самое свежее, – робко возразил Заяц.

– Да, но туда, верно, попали крошки, – проворчал Болванщик. – Не надо было мазать хлебным ножом.

Мартовский Заяц взял часы и уныло посмотрел на них, потом окунул их в чашку с чаем и снова посмотрел.

– Уверяю тебя, масло было самое свежее, – повторил он. Видно, больше ничего не мог придумать.

Алиса с любопытством выглядывала из-за его плеча.

– Какие смешные часы! – заметила она. – Они показывают число, а не час!

– А что тут такого? – пробормотал Болванщик. – Разве твои часы показывают год?

– Конечно нет, – отвечала с готовностью Алиса. – Ведь год тянется очень долго!

– Ну и у меня то же самое! – сказал Болванщик.

Алиса растерялась. В словах Болванщика как будто не было смысла, хоть каждое слово в отдельности и было понятно.

– Я не совсем вас понимаю, – сказала она учтиво.

– Соня опять спит, – заметил Болванщик и плеснул ей на нос горячего чаю.

Соня с досадой помотала головой и, не открывая глаз, проговорила:

– Конечно, конечно, я как раз собиралась сказать то же самое.

– Отгадала загадку? – спросил Болванщик, снова поворачиваясь к Алисе.

– Нет, – ответила Алиса. – Сдаюсь. Какой же ответ?

– Понятия не имею, – сказал Болванщик.

– И я тоже, – подхватил Мартовский Заяц.

Алиса вздохнула.

– Если вам нечего делать, – сказала она с досадой, – придумали бы что-нибудь получше загадок без ответа. А так только попусту теряете время.

– Если бы ты знала Время так же хорошо, как я, – сказал Болванщик, – ты бы этого не сказала. *Его* не потеряешь! Не на такого напали!

– Не понимаю, – сказала Алиса.

– Ещё бы! – презрительно встряхнул головой Болванщик. – Ты с ним небось никогда и не разговаривала!

– Может, и не разговаривала, – осторожно отвечала Алиса. – Зато не раз думала о том, как бы убить время!

– А-а! Тогда всё понятно, – сказал Болванщик. – Убить Время! Разве такое ему может понравиться! Если б ты с ним не ссорилась, могла бы просить у него всё что хочешь. Допустим, сейчас девять часов утра – пора идти на урок. А ты шепнула ему словечко и – р-раз! – стрелки побежали вперёд! Половина второго – обед!

– Вот бы хорошо! – тихонько вздохнул Мартовский Заяц.

– Конечно, это было бы прекрасно, – задумчиво сказала Алиса, – но ведь я не успею проголодаться.

– Сначала, возможно, и нет, – ответил Болванщик. – Но ведь ты можешь сколько угодно держать стрелки на половине второго.

– Вы так и поступили, да? – спросила Алиса.

Болванщик мрачно покачал головой.

– Нет, – ответил он. – Мы с ним поссорились в марте – как раз перед тем, как этот (он показал ложечкой на Мартовского Зайца) спятил. Червонная Королева давала большой концерт, и я должен был петь «Вечерний слон». Знаешь ты эту песню?

Вечерний слон, вечерний слон!
Как много дум наводит он...

– Что-то такое я слышала, – сказала Алиса.

– А дальше вот как, – продолжал Болванщик. –

О юных пнях в краю родном,
Где я любил, где общий дом!

Тут Соня встрепенулась и запела во сне:

...щий дом... дом... дом!

Она никак не могла остановиться. Пришлось Зайцу и Болванщику ущипнуть её с двух сторон, чтобы она замолчала.

– Только я кончил первый куплет, как кто-то сказал: «Конечно, лучше б он помолчал, но надо же как-то убить время!» Королева как закричит: «Убить Время! Он хочет убить Время! Рубите ему голову!»

– Какая жестокость! – воскликнула Алиса.

– С тех пор, – продолжал грустно Болванщик, – время для меня палец о палец не ударит! И на часах всё шесть...

Тут Алису осенило.

– Поэтому здесь и накрыто к чаю? – спросила она.

– Да, – отвечал Болванщик со вздохом. – Здесь всегда пора пить чай. Мы не успеваем даже посуду вымыть!

– И просто пересаживаетесь, да? – догадалась Алиса.

– Совершенно верно, – сказал Болванщик. – Выпьем чашку и пересядем к следующей.

– А когда дойдёте до конца, тогда что? – рискнула спросить Алиса.

– А что, если мы переменим тему? – спросил Мартовский Заяц и широко зевнул. – Надоели мне эти разговоры. Я предлагаю: пусть барышня расскажет нам сказку.

– Боюсь, что я ничего не знаю, – испугалась Алиса.

– Тогда пусть рассказывает Соня, – закричали Болванщик и Заяц. – Соня, проснись!

Соня медленно открыла глаза.

– Я и не думала спать, – прошептала она хрипло. – Я слышала всё, что вы говорили.

– Рассказывай сказку! – потребовал Мартовский Заяц.

– Да, пожалуйста, расскажите, – подхватила Алиса.

– И поторапливайся, – прибавил Болванщик. – А то опять заснёшь!

– Жили-были три сестрички, – быстро начала Соня. – Звали их Элси, Лэси и Тилли, а жили они на дне колодца...

– А что они ели? – спросила Алиса. Её всегда интересовало, что люди едят и пьют.

– Кисель, – отвечала, немного подумав, Соня.

– Всё время один кисель? Это невозможно, – мягко возразила Алиса. – Они бы тогда заболели.

– Они и заболели, – сказала Соня. – И очень серьёзно.

Алиса пыталась понять, как это можно всю жизнь есть один кисель, но это было так странно и удивительно, что она только спросила:

– А почему они жили на дне колодца?

– Выпей ещё чаю, – сказал Мартовский Заяц, наклоняясь к Алисе.

– Ещё? – переспросила Алиса с обидой. – Я пока ничего не пила.

– Больше чаю она не желает, – произнёс Мартовский Заяц в пространство.

– Ты, верно, хочешь сказать, что меньше чаю она не желает: гораздо лучше выпить больше, а не меньше, чем ничего, – сказал Болванщик.

– Вашего мнения никто не спрашивал, – сказала Алиса.

– А теперь кто переходит на личности? – спросил Болванщик с торжеством.

Алиса не знала, что на это ответить. Она налила себе чаю и намазала хлеб маслом, а потом повернулась к Соне и повторила свой вопрос:

– Так почему же они жили на дне колодца?

Соня опять задумалась и наконец сказала:

– Потому что в колодце был кисель.

– Таких колодцев не бывает! – возмущённо закричала Алиса.

Но Болванщик и Мартовский Заяц на неё зашикали, а Соня угрюмо пробормотала:

– Если ты не умеешь себя вести, досказывай сама!

– Простите, – покорно сказала Алиса. – Пожалуйста, продолжайте. Я больше не буду перебивать. Может, где-нибудь и есть *один* такой колодец.

– Тоже сказала – *«один»*! – фыркнула Соня.

Впрочем, она согласилась продолжать рассказ.

– И надо вам сказать, что эти три сестрички жили припиваючи...

– *Припеваючи*? – переспросила Алиса. – А что они *пели*?

– Не *пели*, а *пили*, – ответила Соня. – Кисель, конечно.

– Мне нужна чистая чашка, – перебил её Болванщик. – Давайте подвинемся.

И он пересел на соседний стул. Соня села на его место, Мартовский Заяц – на место Сони, а Алиса скрепя сердце – на место Зайца. Выиграл при этом один Болванщик. Алиса, напротив, сильно проиграла, потому что Мартовский Заяц только что опрокинул себе в тарелку молочник.

Алисе не хотелось опять обижать Соню, и она осторожно спросила:

– Я не понимаю... Как же они там жили?

– Чего там не понимать, – ответила Соня. – Живут же рыбы в воде. А эти сестрички жили в киселе!

– Но почему? – спросила Алиса Соню, сделав вид, что не слышала Болванщика.

– Потому что они были *кисельные барышни.*

Этот ответ так смутил бедную Алису, что она замолчала.

– Так они и жили, – продолжала Соня сонным голосом, зевая и протирая глаза, – как рыбы в киселе. А ещё они рисовали... всякую всячину... всё, что начинается на М.

– Почему на М? – спросила Алиса.

– Почему бы и нет? – спросил Мартовский Заяц.

Алиса промолчала.

– Мне бы тоже хотелось порисовать, – сказала она наконец. – У колодца.

– Порисовать и *уколоться*? – переспросил Заяц.

Соня меж тем закрыла глаза и задремала. Но тут Болванщик её ущипнул, она взвизгнула и проснулась.

– ...начинается на М, – продолжала она. – Они рисовали мышеловки, месяц, математику, множество... Ты когда-нибудь видела, как рисуют множество?

– Множество *чего*? – спросила Алиса.

– *Ничего,* – отвечала Соня. – Просто *множество*!

– Не знаю, – начала Алиса, – может...

– А не знаешь – молчи, – оборвал её Болванщик.

Такой грубости Алиса стерпеть не могла: она молча встала и пошла прочь. Соня тут же заснула, а Заяц и Болванщик не обратили на Алисин уход никакого внимания, хоть она и обернулась раза два, надеясь, что они одумаются и позовут её обратно.

Оглянувшись в последний раз, она увидела, что они засовывают Соню в чайник.

– Больше я туда ни за что не пойду! – твердила про себя Алиса, пробираясь по лесу. – В жизни не видала такого глупого чаепития!

Тут она заметила в одном дереве дверцу.

«Как странно! – подумала Алиса. – Впрочем, сегодня всё странно. Войду-ка я в эту дверцу».

Так она и сделала.

И снова она оказалась в длинном зале возле стеклянного столика.

– Ну теперь-то я буду умнее, – сказала она про себя, взяла ключик и перво-наперво отперла дверцу, ведущую в сад.

А потом вынула кусочки гриба, которые лежали у неё в кармане, и ела, пока не стала с фут ростом. Тогда она пробралась по узкому коридорчику и наконец очутилась в чудесном саду среди ярких цветов и прохладных фонтанов.

Глава восьмая

Королевский крокет

У входа в сад рос большой розовый куст, розы на нём были белые, но возле стояли три садовника и усердно красили их в красный цвет. Алиса удивилась и подошла поближе, чтобы узнать, что там происходит. Подходя, она слышала, как один из садовников сказал другому:

– Поосторожней, Пятёрка! Опять ты меня забрызгал!

– Я не виноват, – отвечал Пятёрка хмуро. – Это Семёрка толкнул меня под локоть!

Семёрка посмотрел на него и сказал:

– Правильно, Пятёрка! Всегда сваливай на другого!

– Ты бы лучше помалкивал, – сказал Пятёрка. – Вчера я своими ушами слышал, как Королева сказала, что тебе давно пора отрубить голову!

– За что? – спросил первый садовник.

– Тебя, Двойка, это не касается! – отрезал Семёрка.

– Нет, касается, – возразил Пятёрка. – И я ему скажу, за что. За то, что он принёс кухарке луковки тюльпанов вместо лука.

Семёрка швырнул кисть.

– Ну, знаете, такой несправедливости... – начал он, но тут взгляд его упал на Алису, и он умолк.

Двое других оглянулись, и все трое склонились в низком поклоне.

– Скажите, пожалуйста, – робко спросила Алиса, – зачем вы красите эти розы?

Пятёрка с Семёркой молча взглянули на Двойку, а тот оглянулся и тихо сказал:

– Понимаете, барышня, нужно было посадить красные розы, а мы, дураки, посадили белые. Если Королева узнает – плакали наши головы. Так что, понимаете, барышня, мы тут стараемся, пока она не пришла...

В эту минуту Пятёрка (он стоял на посту и тревожно глядел в сад) крикнул:

– Королева!

Садовники пали ниц. Послышались шаги. Алиса обернулась – ей не терпелось увидеть Королеву.

Впереди выступали десять солдат с пиками наперевес; они были очень похожи на садовников – такие же плоские и четырёхугольные, с руками и ногами по углам. За ними – десять придворных; их одежды были расшиты крестами, а шли они по двое, как солдаты. За придворными бежали парами королевские дети. Их было тоже десять. Милые крошки держались за руки и весело подпрыгивали на ходу, а одежда у них так и сверкала червонным золотом. За ними шествовали гости, всё больше Короли и Королевы. Был там и Белый Кролик; он что-то быстро и нервно говорил и всем улыбался. Он прошёл мимо Алисы и не заметил её. За гостями шёл Валет Червей, а на алой подушке он нёс королевскую корону. А замыкали это великолепное шествие Червонные Король и Королева.

Алиса заколебалась. Может, и ей надо броситься ниц при виде столь блистательного шествия? Однако никаких правил на этот счёт она не помнила. И вообще, к чему устраивать шествия, если все будут падать ниц? Никто ничего тогда не увидит... И она осталась стоять.

Когда шествие поравнялось с Алисой, все остановились и уставились на неё, а Королева сурово спросила:

– Это ещё кто?

Она обращалась к Валету, но тот лишь улыбнулся и поклонился в ответ.

– Глупец! – бросила Королева, раздражённо мотнув головой. Потом она повернулась к Алисе и спросила:

– Как тебя зовут, дитя?

– Меня зовут Алисой, с позволения Вашего Величества, – ответила Алиса учтиво.

Про себя же она добавила:

«Да это всего-навсего колода карт! Чего ж мне их бояться?»

– А это кто такие? – спросила Королева, указывая на валявшихся у неё в ногах садовников. Они лежали лицом вниз, а так как рубашки у всех в колоде были одинаковые, она не могла разобрать, садовники это, или придворные, или, может, собственные её дети.

– Откуда мне знать, – ответила Алиса, удивляясь собственной смелости. – Это не моё дело.

Королева побагровела от ярости и, сверкнув, словно дикий зверь, на неё глазами, завопила во весь голос:

– Отрубить ей голову! Отрубить...

– Чепуха! – сказала Алиса очень громко и решительно.

Королева умолкла.

А король положил ей руку на плечо и робко произнёс:

– Одумайся, дружок! Она ведь совсем ребёнок!

Королева сердито отвернулась от него и приказала Валету:

– Переверни их!

Валет осторожно перевернул садовников носком сапога.

– Встать! – сказала Королева громким, пронзительным голосом.

Садовники вскочили и принялись кланяться Королеве, Королю, королевским деткам и всем остальным.

– Сию же минуту перестаньте! – завопила Королева. – У меня от ваших поклонов голова закружилась! – И, взглянув на куст роз, прибавила: – А что это вы тут делали?

– С позволения Вашего Величества, – смиренно начал Двойка, опускаясь на одно колено, – мы хотели...

– Всё ясно! – произнесла Королева, которая тем временем внимательно разглядывала розы. – Отрубить им головы!

И шествие двинулось дальше. Только три солдата задержались, чтобы привести приговор в исполнение. Несчастные садовники бросились к Алисе за помощью.

– Не бойтесь, – сказала Алиса. – Я вас в обиду не дам.

И она сунула их в цветочный горшок, который стоял поблизости. Солдаты походили вокруг, поискали и зашагали прочь.

– Ну что, отрубили им головы? – крикнула Королева.

– Пропали их головы, Ваше Величество! – гаркнули солдаты.

– Отлично! – завопила Королева. – Сыграем в крокет?

Солдаты молча взглянули на Алису. Видно, Королева обращалась к ней.

– Сыграем! – крикнула Алиса.

– Пошли! – взревела Королева.

И Алиса вошла в толпу гостей, с недоумением спрашивая себя, что же будет дальше.

– Какая... какая прекрасная сегодня погода, не правда ли? – робко произнёс кто-то.

Она подняла глаза и увидела, что рядом идёт Белый Кролик и беспокойно на неё поглядывает.

– Да, погода чудесная, – согласилась Алиса. – А где же Герцогиня?

– Ш-ш-ш, – зашипел Кролик, тревожно оглядываясь. Он поднялся на цыпочки и прошептал ей прямо в ухо: – Её приговорили к казни.

– За что? – спросила Алиса.

– Ты, кажется, сказала: «Как жаль!»? – спросил Кролик.

– И не думала, – отвечала Алиса. – Совсем мне её не жаль! Я сказала: «За что?»

– Она отвесила Королеве пощечину, – проговорил Кролик.

Алиса радостно фыркнула.

– Тише! – испугался Кролик. – Вдруг Королева услышит! Понимаешь, Герцогиня опоздала, а Королева говорит...

– Все по местам! – закричала Королева громовым голосом.

И все побежали, натыкаясь друг на друга, падая и вскакивая. Однако через минуту все уже стояли на своих местах. Игра началась.

Алиса подумала, что в жизни не видала такой странной площадки для игры в крокет: сплошные борозды и рытвины. Шарами были живые ежи, молотками – фламинго, а воротцами – солдаты. Они делали мостик – да так и стояли, пока шла игра.

Поначалу Алиса никак не могла справиться со своим фламинго: только сунет его вверх ногами под мышку, отведёт ему ноги назад, нацелится и соберётся ударить им по ежу, как он изогнёт шею

и поглядит ей прямо в глаза, да так удивлённо, что она начинает смеяться. А когда ей удастся снова опустить его вниз головой, глядь! – ежа уже нет. Он развернулся и тихонько трусит себе прочь. К тому же все ежи у неё попадали в рытвины, а солдаты-воротца разгибались и уходили на другой конец площадки. Словом, Алиса скоро решила, что это очень трудная игра.

Игроки били все сразу, не дожидаясь своей очереди, и всё время ссорились и дрались из-за ежей. Прошло совсем немного времени, а Королева уже была в бешенстве, топала ногами и то и дело кричала:

– Отрубить ей голову! Голову ему долой!

Алиса забеспокоилась. Правда, у неё с Королевой пока ещё не было ни из-за чего спора, но он мог возникнуть в любую минуту.

«Что со мной тогда будет? – думала Алиса. – Здесь так любят рубить людям головы. Странно, что кто-то ещё вообще уцелел!»

Она огляделась и принялась думать о том, как бы незаметно улизнуть, как вдруг над головой у неё появилось что-то непонятное. Сначала Алиса никак не могла понять, что же это такое, но через минуту сообразила, что в воздухе одиноко парит улыбка.

«Это Чеширский Кот, – сказала она про себя. – Вот хорошо! Будет с кем поговорить по крайней мере!»

– Ну, как дела? – спросил Кот, как только рот его обозначился в воздухе.

Алиса подождала, пока не появятся глаза, и кивнула.

«Отвечать сейчас всё равно бесполезно, – подумала она. – Подожду, пока появятся уши – или хотя бы одно!»

Через минуту показалась уже вся голова. Алиса поставила фламинго на землю и начала свой рассказ, радуясь тому, что есть кому пожаловаться. Кот, очевидно, решил, что головы вполне достаточно, и дальше возникать не стал.

– По-моему, они играют совсем не так, – говорила Алиса. – Справедливости никакой, и все так кричат, что собственного голоса не слышно. Правил нет, а если есть, то никто их не соблюдает. Вы себе не представляете, как трудно играть, когда всё живое. Например, воротца, через которые мне надо сейчас проходить, пошли гулять на ту сторону площадки! Я бы отогнала сейчас ежа Королевы, да только он убежал, едва завидел моего!

– А как тебе нравится Королева? – спросил Кот тихо.

– Совсем не нравится, – отвечала Алиса. – Она так...

В эту минуту она заметила, что Королева стоит у неё за спиной и подслушивает.

– ...так хорошо играет, – быстро сказала Алиса, – что хоть сразу сдавайся.

Королева улыбнулась и отошла.

– С кем это ты разговариваешь? – спросил Король, подходя к Алисе и с любопытством глядя на парящую голову.

– Это мой друг, Чеширский Кот, – отвечала Алиса. – Разрешите представить...

– Он мне совсем не нравится, – заметил Король. – Впрочем, пусть поцелует мне руку, если хочет.

– Особого желания не имею, – сказал Кот.

– Не смей говорить дерзости, – пробормотал Король. – И не смотри так на меня.

И он спрятался у Алисы за спиной.

– Котам на королей смотреть не возбраняется, – сказала Алиса. – Я это где-то читала, не помню только где.

– Нет, его надо убрать, – сказал Король решительно.

Увидев проходившую мимо Королеву, он крикнул:

– Душенька, вели убрать этого кота!

У Королевы на всё был один ответ.

– Отрубить ему голову! – крикнула она, не глядя.

– Я сам приведу палача! – сказал радостно Король и убежал.

Алиса услыхала, как Королева что-то громко кричит вдалеке, и пошла посмотреть, что там происходит. Она уже слышала, как Королева приказала отрубить головы трём игрокам за то, что они пропустили свою очередь. В целом, всё это очень не понравилось Алисе, вокруг царила такая путаница, что она никак не могла понять, кому играть. И она побрела обратно, высматривая в рытвинах своего ежа.

Она его тут же увидала – он дрался с другим ежом. Вот бы и ударить по ним, но Алисин фламинго забрёл на другой конец сада. Алиса увидела, как он безуспешно пытается взлететь на дерево.

Когда Алиса наконец поймала его и принесла обратно, ежи уже перестали драться и разбежались.

«Ну и пусть, – подумала Алиса. – Всё равно воротца тоже ушли».

Она сунула фламинго под мышку, чтобы он снова не убежал, и вернулась к Коту; ей хотелось ещё с ним поговорить.

Подойдя к тому месту, где в воздухе парила его голова, она с удивлением увидела, что вокруг образовалась огромная толпа. Палач, Король и Королева шумно спорили; каждый кричал своё, не слушая другого, а остальные молчали и только смущённо переминались с ноги на ногу.

Завидев Алису, все трое бросились к ней, чтобы она разрешила их спор. Они громко повторяли свои доводы, но так как говорили все разом, она никак не могла понять, в чём дело.

Палач говорил, что нельзя отрубить голову, если кроме головы ничего больше нет. Он такого никогда не делал и делать не собирается. Стар он для этого, вот что!

Король говорил, что раз есть голова, то её можно отрубить. И нечего нести вздор!

А Королева говорила, что, если сию же минуту они не перестанут болтать и не примутся за дело, она велит отрубить головы всем подряд!

(Эти-то слова и повергли общество в уныние.)

Алиса не нашла ничего лучшего, как сказать:

– Кот принадлежит Герцогине. Лучше посоветоваться с ней.

– Она в тюрьме, – сказала Королева и повернулась к палачу. – Веди её сюда!

Палач со всех ног бросился исполнять приказ.

Как только он убежал, голова Кота начала медленно таять в воздухе, так что к тому времени, когда палач привёл Герцогиню, её уже не было видно. Король и палач заметались по крокетной площадке, а гости вернулись к игре.

Глава девятая

Черепаха Как бы и её повесть

– Ах, моя милая, ты и представить себе не можешь, как я рада тебя видеть, – нежно сказала Герцогиня, взяла Алису под руку и повела в сторону.

Алиса приятно удивилась, увидев Герцогиню в столь отличном расположении духа, и подумала, что это, должно быть, от перца она была такой вспыльчивой.

«Когда я буду Герцогиней, – сказала она про себя (без особой, правда, надежды), – у меня в кухне совсем не будет перца. Суп и без него вкусный! От *перца*, верно, и начинают всем *перечить*...»

Алиса очень обрадовалась, что открыла новое правило.

«От *уксуса – куксятся,* – продолжала она задумчиво, – от *горчицы – огорчаются,* от *лука – лукавят,* от *вина – винятся,* а от *сдобы – добреют*. Как жалко, что никто об этом не знает... Всё было бы так просто! Ели бы сдобу и добрели!»

Она совсем забыла о Герцогине и вздрогнула, когда та сказала ей прямо в ухо:

– Ты о чём-то задумалась, милочка, и не говоришь ни слова. А мораль отсюда такова... Нет, что-то не соображу! Ничего, потом вспомню...

– А, может, здесь и нет никакой морали, – заметила Алиса.

– Как это нет! – возразила Герцогиня. – Во всём есть своя мораль, нужно только уметь её найти!

И с этими словами она прижалась к Алисе.

Алисе это совсем не понравилось. Герцогиня была такая безобразная, а к тому же подбородок её приходился как раз на уровне Алисиного плеча, и подбородок этот был очень острый. Но делать было нечего – не могла же Алиса попросить Герцогиню отодвинуться!

– Игра, кажется, пошла веселее, – заметила она, чтобы как-то поддержать разговор.

– Я совершенно с тобой согласна, – сказала Герцогиня. – А мораль отсюда такова: любовь, любовь, ты движешь миром...

– А мне казалось, кто-то говорил, будто самое главное – не соваться в чужие дела, – шепнула Алиса.

– Так это одно и то же, – промолвила Герцогиня, вонзая подбородок в Алисино плечо.– А мораль отсюда такова: думай о смысле, а слова придут сами!

«Как она любит всюду находить мораль», – подумала Алиса.

– Ты, конечно, удивляешься, – сказала Герцогиня, – почему я не обниму тебя за талию. Сказать по правде, я не совсем уверена в твоём фламинго. Или всё же рискнуть?

– Он может и укусить, – сказала благоразумная Алиса, которой совсем не хотелось, чтоб Герцогиня её обнимала.

– Совершенно верно, – согласилась Герцогиня. – Фламинго кусаются не хуже горчицы. А мораль отсюда такова: это птицы одного полёта!

– Только горчица совсем не птица, – заметила Алиса.

– Ты, как всегда, совершенно права, – сказала Герцогиня. – Какая ясность мысли!

– По-моему, горчица – минерал, – продолжала Алиса задумчиво.

– Конечно, минерал, – подтвердила Герцогиня. Она готова была соглашаться со всем, что скажет Алиса. – Минерал огромной взрывчатой силы. Из неё делают мины и закладывают при подкопах...

А мораль отсюда такова: хорошая *мина* при плохой игре – это самое главное!

– Вспомнила! – воскликнула вдруг Алиса, пропустившая мимо ушей последние слова Герцогини. – Горчица – это овощ. Правда, на овощ она не похожа – и всё-таки это овощ.

– Я совершенно с тобой согласна, – сказала Герцогиня. – А мораль отсюда такова: всякому овощу своё время. Или, хочешь, я это сформулирую попроще: никогда не думай, что ты иная, чем могла бы быть иначе, чем будучи иной в тех случаях, когда иначе нельзя не быть.

– Мне кажется, я бы лучше поняла, если бы могла это записать. А так я не очень разобралась, – почтительно проговорила Алиса.

– Это всё чепуха по сравнению с тем, что я могла бы сказать, если бы захотела, – ответила польщённая Герцогиня.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – сказала Алиса.

– Ну что ты, разве это беспокойство, – возразила Герцогиня. – Дарю тебе всё, что успела сказать.

«Пустяковый подарок, – подумала про себя Алиса. – Хорошо, что на дни рождения таких не дарят!»

Однако вслух она этого сказать не рискнула.

– Опять о чём-то думаешь? – спросила Герцогиня и снова вонзила свой подбородок в Алисино плечо.

– А почему бы мне и не думать? – отвечала Алиса. Ей было как-то не по себе.

– А почему бы свинье не летать? – сказала Герцогиня. – А мораль...

Тут, к великому удивлению Алисы, Герцогиня умолкла и задрожала. Алиса подняла глаза и увидала, что перед ними, скрестив на груди руки и грозно нахмурившись, стоит Королева.

– Прекрасная погода, Ваше Величество, – слабо прошептала Герцогиня.

– Я тебя честно предупреждаю, – закричала Королева и топнула ногой. – Либо мы лишимся твоего общества, либо ты лишишься головы. Решай сейчас же, нет – в два раза быстрее!

Герцогиня решила и тотчас исчезла.

– Вернёмся к нашей игре, – сказала Алисе Королева.

Алиса так была напугана, что, не говоря ни слова, побрела за ней следом к площадке.

Гости между тем воспользовались отсутствием Королевы и отдыхали в тени. Однако, увидев, что Королева возвращается, поспешили к своим местам. А Королева, подойдя, просто объявила, что минута промедления будет стоить им всем жизни.

Пока шла игра, Королева беспрестанно ссорилась с игроками и кричала:

– Отрубить ему голову! Голову с плеч!

Солдаты вставали с земли и брали несчастных под стражу. Воротцев в результате становилось всё меньше и меньше. Не прошло и получаса, как их и вовсе не осталось, а все игроки с трепетом ждали казни.

Наконец Королева бросила игру и, переводя дыхание, спросила Алису:

– А видела ты Черепаху Как бы?

– Нет, – сказала Алиса. – Я даже не знаю, что это такое.

– Как же, – сказала Королева. – Это такой зверь. Из него ещё варят *как бы* черепаховый суп.

– Никогда не слыхала, – сказала Алиса.

– Пошли, – сказала Королева. – Он тебе сам всё расскажет.

И они пошли. Уходя, Алиса услышала, как Король тихо сказал, обращаясь к гостям:

– Мы всех вас прощаем.

«Вот хорошо!» – обрадовалась Алиса. (Она очень горевала, думая о назначенных казнях.)

Вскоре они увидали Грифона, крепко спящего на солнцепёке. (Если ты не знаешь, как выглядит Грифон, посмотри на картинку.)

– Вставай, бездельник, – сказала Королева, – отведи эту барышню к Черепахе Как бы. Пусть он расскажет ей свою историю. А мне надо возвращаться: я там приказала кое-кого казнить, надо присмотреть, чтобы всё было как следует.

И она ушла, оставив Алису с Грифоном. Алисе он не внушил особого доверия, но подумав, что с ним, верно, всё же спокойнее, чем с Королевой, она осталась.

Грифон встал, протёр глаза, проводил Королеву взглядом и усмехнулся.

– Смех, да и только! – пробормотал он не то про себя, не то обращаясь к Алисе.

– Смех? – переспросила Алиса растерянно.

– Ну да, – ответил Грифон. – Всё это выдумки. Казнить! Скажет тоже! У них такого отродясь не было. Ладно, пошли!

«Все здесь только и говорят что «пошли!», – подумала Алиса, покорно плетясь за Грифоном. – Никогда в жизни ещё мною так не помыкали!»

Пройдя совсем немного, они увидели вдалеке Как бы. Он лежал на скалистом уступе и вздыхал с такой тоской, словно сердце у него разрывалось. Алиса от души пожалела его.

– Почему он так грустит? – спросила она Грифона.

И он ответил ей теми же словами:

– Всё это выдумки. Грустит! Скажешь тоже! Не о чем ему грустить. Ладно, пошли!

И они подошли к Черепахе Как бы. Тот взглянул на них большими, полными слёз глазами, но ничего не сказал.

– Эта барышня, – начал Грифон, – хочет послушать твою историю. Вынь да положь ей эту историю! Вот оно что!

– Что ж, я расскажу, – проговорил Как бы глухим голосом. – Садитесь и не открывайте рта, пока я не кончу.

Грифон и Алиса уселись. Наступило молчание.

«Не знаю, как это он собирается кончить, если никак не может начать», – подумала про себя Алиса.

Но делать было нечего – она терпеливо ждала.

– Однажды, – произнёс наконец Как бы с глубоким вздохом, – я был настоящей Черепахой.

И снова воцарилось молчание. Только Грифон изредка откашливался, да неумолчно всхлипывал Как бы. Алиса совсем уже собралась подняться и сказать: «Благодарю вас, сэр, за очень увлекательный рассказ». Но потом решила ещё подождать.

Наконец Как бы немного успокоился и, тяжело вздыхая, заговорил:

– Когда мы были маленькие, мы ходили в школу на дне моря. Учителем у нас был старик Черепаха. Мы звали его Спрутиком.

– Зачем же вы звали его *Спрутиком,* – спросила Алиса, – если на самом деле он был Черепахой?

– Мы его звали *Спрутиком,* потому что он всегда ходил *с прутиком,* – ответил сердито Как бы. – Ты не очень-то догадлива!

– Стыдилась бы о таких простых вещах спрашивать, – подхватил Грифон.

Оба они замолчали и уставились на бедную Алису. Она готова была провалиться сквозь землю. Наконец, Грифон повернулся к Черепахе Как бы и сказал:

– Давай, старина, поторапливайся! Нельзя же весь день здесь сидеть...

И Как бы продолжал:

– Да, ходили мы в школу, а школа наша была на дне морском, хоть ты, может, этому и не поверишь...

– Почему же? – возразила Алиса. – Я ни звука не сказала.

– Нет, сказала, – настаивал Как бы.

– Не возражай! – прикрикнул Грифон.

Но Алиса и не думала возражать.

– Образование мы получили самое хорошее, – продолжал Как бы. – И немудрено – ведь мы ходили в школу каждый день...

– Я тоже ходила в школу каждый день, – сказала Алиса. – Ничего особенного в этом нет.

– А дополнительно тебя чему-нибудь учили? – спросил Как бы с тревогой.

– Да, – ответила Алиса. – Музыке и французскому.

– А стирке? – быстро спросил Как бы.

– Нет, конечно, – с негодованием отвечала Алиса.

– Ну, значит, школа у тебя была неважная, – произнёс с облегчением Как бы. – А у нас в школе к счёту всегда приписывали: «Плата за французский, музыку и *стирку* дополнительно».

– Зачем вам стирка? – спросила Алиса. – Ведь вы жили на дне морском.

– Всё равно я не мог заниматься стиркой, – вздохнул Как бы. – Мне она была не по карману. Я изучал только обязательные предметы.

– Какие? – спросила Алиса.

– Сначала мы, как полагается, чихали и пищали, – отвечал Как бы. – А потом принялись за четыре действия арифметики: *скольжение, причитание, умиление* и *изнеможение*.

– Я о *причитании* никогда не слыхала, – рискнула заметить Алиса.

– Никогда не слыхала о *причитании*! – воскликнул Грифон, воздевая лапы к небу. – Что такое *«читать»*, надеюсь, ты знаешь?

– Да, – отвечала Алиса неуверенно, – смотреть, что написано в книжке и... *читать*.

– Ну да, – подхватил Грифон, – а если ты читаешь то, чего нет в книжке, это и значит *«причитать»*.

– А когда мы усвоили правила арифметики, мы перешли к *мать-и-мачехе.*

– А это что такое? – спросила Алиса.

– Ну, если ты не знаешь, что такое *мать-и-мачеха,* – сказал Грифон, – значит, ты совсем дурочка.

У Алисы пропала всякая охота выяснять, что такое *мать-и-мачеха.* Она повернулась к Черепахе Как бы и сказала:

– А что ещё вы учили?

– У нас было много всяких предметов: *грязнописание, триконаметрия, анатомия* и *физиономия*... А раз в неделю мы запирались в *мимическом* кабинете и делали *мимические* опыты...

– А что это такое? – спросила Алиса.

– Я тебе показать не могу, – грустно отвечал Как бы. – Стар я уже для этого. А Грифон ими не занимался.

– Времени у меня не было, – подтвердил Грифон. – Зато я получил *классическое* образование.

– Как это? – спросила Алиса.

– А вот как, – отвечал Грифон. – Мы с моим учителем уходили на улицу и целый день играли в *классики*. Какой был учитель! Сейчас таких уже нет.

– Настоящий *классик*! – во вздохом сказал Как бы. – Но я к нему не попал... Говорят, он хорошо знал *латунь, драмматику* и *мексику*...

– Это точно, – согласился Грифон.

И оба вздохнули.

– А помнишь, какую книгу мы читали? – спросил, помолчав, Грифон.

– Как не помнить, – вздохнул Как бы. – «Рифы Древней Греции»! Какая была книга!

– А долго у вас шли занятия? – спросила Алиса, стремясь перевести разговор.

– Это зависело от нас, – отвечал Как бы. – Как всё займём, так и кончим.

– *Займёте*? – удивилась Алиса.

– *Занятия* почему так называются? – пояснил Грифон. – Потому что на занятиях мы у нашего учителя ум *занимаем*... А как всё займём и ничего ему не оставим, тут же и кончим. В таких случаях ещё говорят: «Ему ума не занимать»... Поняла?

Это было настолько ново для Алисы, что она невольно задумалась.

– А что же тогда с учителем происходит? – спросила она немного спустя.

– Может, хватит про уроки? – вмешался Грифон. – Расскажи-ка ей про наши игры...

Глава десятая

Морская кадриль

Как бы глубоко вздохнул и вытер глаза. Он взглянул на Алису, видно, хотел что-то сказать, но его душили рыдания.

– Ну, прямо словно кость у него в горле застряла, – сказал Грифон, подождав немного.

И принялся трясти Как бы и бить его по спине. Наконец Как бы обрёл голос и, обливаясь слезами, заговорил:

– Ты, верно, не живала подолгу на дне морском...

– Не жила, – сказала Алиса.

– И, должно быть, никогда не видала живого омара...

– Зато я его пробова... – начала Алиса, но спохватилась и покачала головой. – Нет, не видала.

– Значит, ты не имеешь понятия, как принято танцевать морскую кадриль с омарами.

– Нет, не имею, – вздохнула Алиса. – А что это за танец?

– Прежде всего, – начал Грифон, – все выстраиваются в ряд на морском берегу...

– В два ряда! – закричал Как бы. – Тюлени, лососи, морские черепахи и все остальные. И как только очистишь берег от медуз...

– А это не так-то просто, – вставил Грифон.

– Делаешь сначала два шага вперёд... – продолжал Как бы.

– Взяв за ручку омара! – закричал Грифон.

– Конечно, – подтвердил Как бы. – Делаешь два прохода вперёд, кидаешься на партнёров...

– Меняешь омаров и возвращаешься назад тем же порядком, – закончил Грифон.

– А потом, – продолжал Как бы, – швыряешь...

– Омаров! – крикнул Грифон, подпрыгивая в воздух.

– Подальше в море...

– Плывёшь за ними! – радостно завопил Грифон.

– Кувыркаешься разок в море! – воскликнул Как бы и прошёлся колесом по песку.

– Снова меняешь омаров! – вопил во весь голос Грифон.

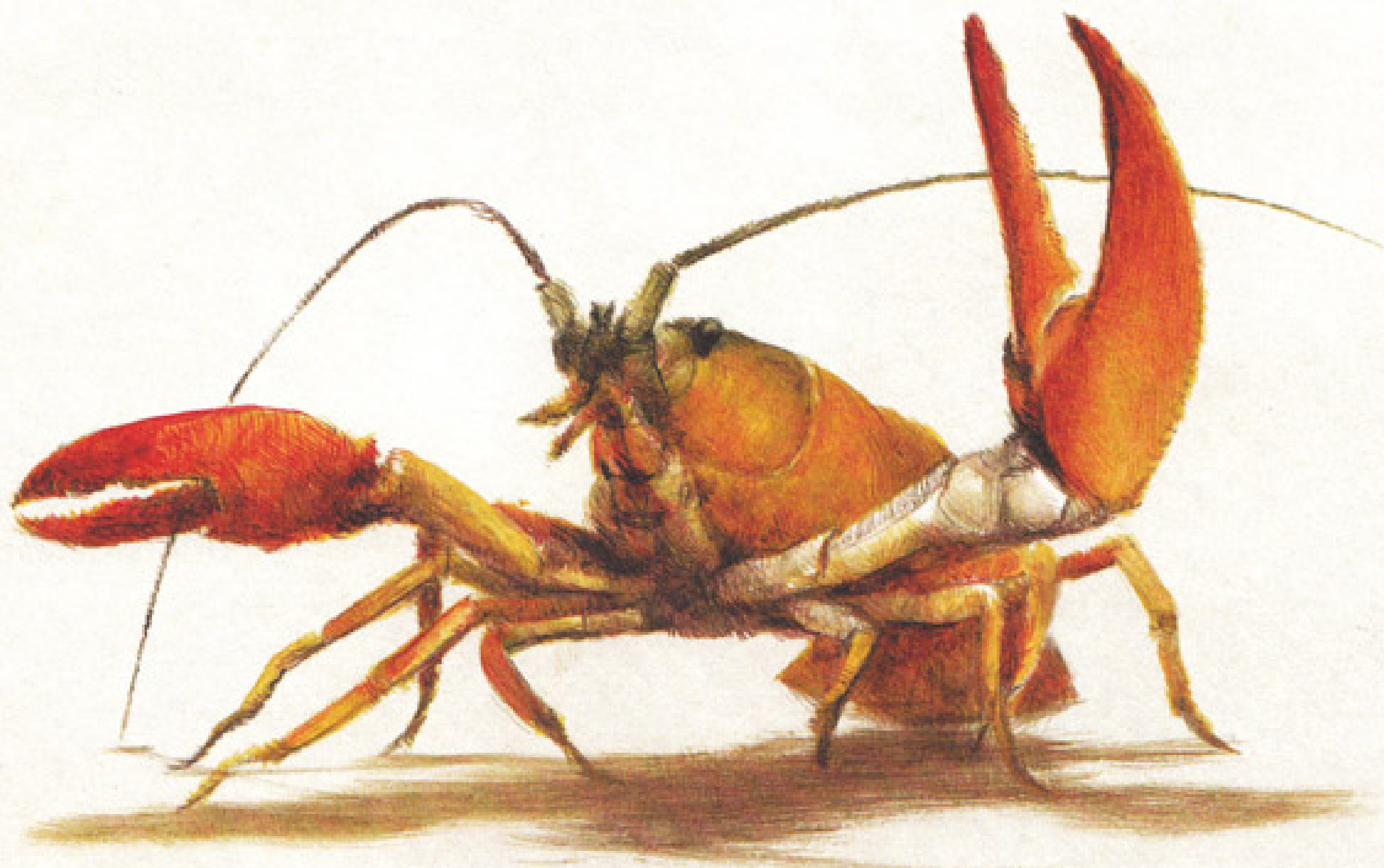
– И возвращаешься на берег! Вот и вся первая фигура, – сказал Как бы внезапно упавшим голосом. И два друга, только что как безумные прыгавшие по песку, загрустили, сели и с тоской взглянули на Алису.

– Это, должно быть, очень красивый танец, – робко заметила Алиса.

– Хочешь посмотреть? – спросил Как бы.

– Очень, – ответила Алиса.

– Вставай, – приказал Грифону Как бы. – Покажем ей первую фигуру. Ничего, что тут нет омаров... Мы и без них обойдёмся. Кто будет петь?

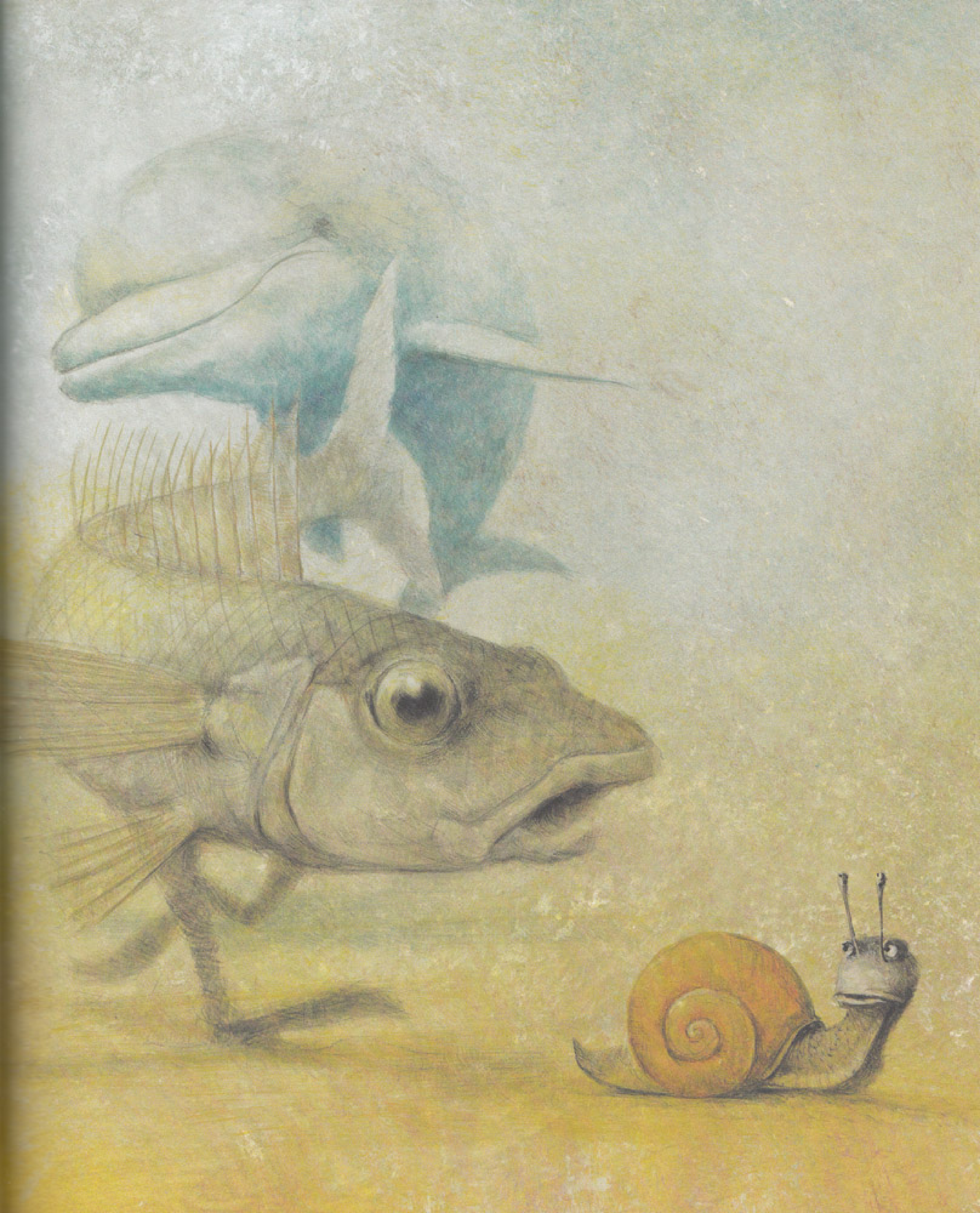
– Пой ты, – сказал Грифон. – Я не помню слов.

И они заплясали вокруг Алисы, размахивая в такт хвостами и не замечая, что то и дело наступают ей на ноги. Как бы затянул грустную песню.

Говорит треска улитке: «Побыстрей, дружок, иди!
Мне на хвост дельфин наступит – он плетётся позади.
Видишь, крабы, черепахи мчатся к морю мимо нас.
Нынче бал у нас на взморье, ты пойдёшь ли с нами в пляс?
Хочешь, можешь, можешь, хочешь ты пуститься с нами в пляс?
Можешь, хочешь, хочешь, можешь ты пуститься с нами в пляс?

Ты не знаешь, как приятно, как занятно быть треской,
Если нас забросят в море и умчит нас вал морской!»
– Ох! – улитка пропищала. – Далеко забросят нас!
Не хочу я, не могу я, не хочу я с вами в пляс!
Не могу я, не хочу я, не могу пуститься в пляс!

– Ах, что такое далеко? – ответила треска. –
Где далеко от Англии, там Франция близка.
За много миль от берегов есть берега опять.
Не робей, моя улитка, и пойдём со мной плясать.
Хочешь, можешь, можешь, хочешь ты со мной пойти плясать?
Можешь, хочешь, хочешь, можешь ты пойти со мной плясать?

– Большое спасибо, – сказала Алиса, радуясь, что танец наконец кончился. – Очень интересно было посмотреть. А песня про треску мне очень понравилась. Такая забавная...

– Кстати, о треске, – заметил Как бы. – Ты, конечно, её видала?

– Да, – сказала Алиса. – Она иногда бывала у нас на обед.

Она испуганно замолчала, но Как бы не смутился.

– Ты, видно, хочешь сказать, что она бывала у вас *на обедах*, – поправил он Алису. – Ну, раз вы так часто встречались, ты, конечно, знаешь, как она выглядит...

– Да, – сказала задумчиво Алиса. – Хвост во рту, и вся в сухарях.

– Это ты зря, – сказал Как бы. – Треска – дама аккуратная и никогда ничего на себя не просыпает. К тому же сухари всё равно смылись бы в море... Ну а хвост у неё, правда, во рту. Дело в том, что...

Тут Как бы широко зевнул и закрыл глаза.

– Объясни ей про хвост, – сказал он Грифону.

– Дело в том, – сказал Грифон, – что она очень любит танцевать с омарами. Вот они и швыряют её в море. Вот она и летит далеко-далеко. Вот хвост у неё и застревает во рту – да так крепко, что не вытащишь. Всё.

– Благодарю, – сказала Алиса. – Это очень интересно. Я всего этого и не подозревала.

– Это что, – сказал Грифон. – Я тебе такое могу про треску рассказать! Если хочешь, конечно... Знаешь, например, почему её называют треской?

– Я никогда об этом не думала, – ответила Алиса. – Почему?

– Треску много, – сказал значительно Грифон.

Алиса растерялась.

– Много *треску*? – переспросила она с недоумением.

– Ну да, – подтвердил Грифон. – Рыба она так себе, толку от неё мало, а *треску* много.

Алиса молчала и только смотрела на Грифона широко раскрытыми глазами.

– Очень любит поговорить, – продолжал Грифон. – Другой такой трещотки не сыщешь! Зайдёшь к ней на минутку, а она как начнёт трещать, хоть вон беги. И друзей себе таких же подобрала. Ходит к ней один старичок *Судачок*. С утра до ночи *судачит*! А еще *Щука* забегает – так она всех *щучит*. Бывает и *Сом* – этот во всём *сомневается*... А как соберутся все вместе, такой подымут шум, что голова кругом идёт... *Белугу* знаешь?

Алиса кивнула.

– Так это они её довели. Никак, бедная, прийти в себя не может. Всё ревёт и ревёт...

– Поэтому и говорят: *«Ревёт как белуга»*? – робко спросила Алиса.

– Ну да, – сказал Грифон. – Поэтому.

Тут Как бы открыл глаза.

– Ну, хватит об этом, – проговорил он. – Расскажи теперь ты про свои приключения.

– Я с удовольствием расскажу всё, что случилось со мной сегодня с утра, – сказала неуверенно Алиса. – А про вчера и рассказывать не буду, потому что тогда я была совсем другая.

– Объясни какая, – сказал Как бы.

– Нет, сначала приключения, – нетерпеливо перебил его Грифон. – Объяснять очень долго.

И Алиса начала рассказывать всё, что с нею случилось с той минуты, как она увидала Белого Кролика. Сначала ей было немножко не

по себе: Грифон и Как бы придвинулись к ней так близко и так широко раскрыли глаза и рты. Но потом она осмелела. Грифон и Как бы молчали, пока она не дошла до встречи с Синей Гусеницей и попытки прочитать ей «Папу Вильяма». Тут Как бы глубоко вздохнул и сказал:

– Очень странно!

– Страннее некуда! – подхватил Грифон.

– «Все слова не те», – задумчиво произнёс Как бы. – Хорошо бы она нам что-нибудь почитала. Вели ей начать.

И он посмотрел на Грифона, словно тот имел над Алисой власть.

– Встань и читай «Это голос Лентяя», – приказал Алисе Грифон.

«Как все здесь любят распоряжаться, – подумала Алиса. – Только и делают, что заставляют меня читать. Можно подумать, что я в школе».

Всё же она послушно встала и начала читать. Но мысли её были так заняты омарами и морскою кадрилью, что она и сама не знала, что говорит. Слова получались, действительно, очень странные.

Это голос Омара. Вы слышите крик?
– Вы меня разварили! Ах, где мой парик?
И поправивши носом жилетку и бант,
Он идёт на носочках, как лондонский франт.

Если отмель пустынна и тихо кругом,
Он кричит, что акулы ему нипочём,
Но лишь только вдали заприметит акул,
Он забьётся в песок и кричит караул!

– Совсем не похоже на то, что я читал ребёнком в школе, – заметил Грифон.

– Я никогда этих стихов не слышал, – сказал Как бы. – Но, по правде говоря, это ужасный вздор!

Алиса ничего не сказала; она села на песок и закрыла лицо руками; ей уж и не верилось, что всё ещё может снова стать как прежде.

– Но я не понимаю, в чём дело, – недоумевал Как бы. – Объясните мне, что происходит.

– Она ничего объяснить не может, – торопливо сказал Грифон. И, повернувшись к Алисе, прибавил: – Читай дальше.

– А почему он идёт на носочках? – спросил Как бы. – Объясни мне хоть это.

– В балет готовится, должно быть, – сказала Алиса.

Она и сама ничего не понимала. Ей не хотелось больше об этом говорить.

– Читай же дальше, – торопил её Грифон. – «Шёл я садом однажды...»

Алиса не посмела ослушаться, хотя и была уверена, что всё опять получится не так, и дрожащим голосом продолжала:

Шёл я садом однажды и вдруг увидал,
Как делили коврижку Сова и Шакал.
И коврижку Шакал проглотил целиком,
А Сове только блюдечко дал с ободком.

А потом предложил ей: «Закончим делёж –
Ты возьми себе ложку, я – вилку и нож».
И, наевшись, улёгся Шакал на траву,
Но сперва на десерт проглотил он...

– Зачем читать всю эту ерунду, – прервал её Как бы, – если ты всё равно не можешь ничего объяснить? Такой тарабарщины я в своей жизни ещё не слыхал!

– Да, пожалуй, хватит, – сказал Грифон, к великой радости Алисы.

– Хочешь, мы ещё станцуем? – продолжал Грифон. – Или пусть лучше Как бы споёт тебе песню?

– Пожалуйста, песню, если можно, – отвечала Алиса с таким жаром, что Грифон только пожал плечами.

– О вкусах не спорят, – заметил он обиженно. – Спой ей «Вечернюю еду», старина.

Как бы глубоко вздохнул и, всхлипывая, запел:

Еда вечерняя, любимый суп морской!
Когда сияешь ты, зелёный и густой,
Кто не вздохнёт, кто не поймёт тебя тогда,
Еда вечерняя, блаженная еда!
Еда вечерняя, блаженная еда!

Блаже-э-нная е-да-а!
Блаже-э-нная е-да-а!
Еда вече-э-рняя,
Блаженная, блаженная еда!

Еда вечерняя! Кто сердцу вопреки
Попросит сёмги и потребует трески?
Мы всё забудем для тебя, почти ЗАДА-
РОМ данная блаженная еда!
Задаром данная блаженная еда!

Блаже-э-нная е-да-а!
Блаже-э-нная е-да-а!
Еда вече-э-рняя,
Блаженная, блаже-ННАЯ ЕДА!

– Повтори припев! – сказал Грифон.

Как бы открыл было рот, но в эту минуту вдалеке послышалось:

– Суд идёт!

– Побежали! – сказал Грифон, схватил Алису за руку и потащил за собой, так и не дослушав песню до конца.

– А кого судят? – спросила, задыхаясь, Алиса.

Но Грифон только повторял:

– Побежали, побежали!

И прибавил шагу.

А ветерок издалека доносил грустный напев:

Еда вече-э-рняя,
Блаженная, блаженная еда!

Он звучал всё тише и тише и наконец совсем смолк.

Глава одиннадцатая

Кто украл крендели?

Червонный Король и Королева сидели на троне, а вокруг толпились остальные карты и множество всяких птиц и зверюшек. Перед троном стоял между двумя солдатами Валет в цепях. Возле Короля вертелся Белый Кролик – в одной руке он держал трубу, а в другой – длинный пергаментный свиток. Посередине суда стоял стол, а на столе – большое блюдо с кренделями. Вид у них был такой аппетитный, что у Алисы прямо слюнки потекли.

«Скорее бы кончили судить, – подумала она, – и подали угощение».

Особых надежд на это, однако, не было, и она начала смотреть по сторонам, чтобы как-то скоротать время.

Раньше Алиса никогда не бывала в суде, хотя и читала об этом в книжках. Ей было очень приятно, что почти всё здесь ей знакомо.

«Вон судья, – сказала она про себя. – Раз в парике, значит, судья».

Судьёй, кстати, был сам Король, а так как корону ему пришлось надеть на парик (посмотри на картинку, если хочешь узнать, как он это сделал), он чувствовал себя не слишком уверенно. К тому же это было не очень красиво.

«Это места для присяжных, – думала Алиса. – А эти двенадцать существ (ей пришлось употребить это слово, потому что там были и зверюшки, и птицы), видно, и есть присяжные».

Последнее слово она повторила про себя раза два или три – она очень гордилась тем, что знает такое трудное слово; немного найдётся девочек её возраста, думала Алиса (и в этом она была права), понимающих, что оно значит.

«Должно быть, они потому называются присяжными, – сказала она про себя, – что всё время приседают. Вот бы посмотреть, как они это делают!»

Присяжные меж тем что-то строчили на грифельных досках.

– Что это они пишут? – шёпотом спросила Алиса у Грифона. – Ведь суд ещё не начался...

– Они записывают свои имена, – прошептал Грифон в ответ. – Боятся, как бы их не забыть до конца суда.

– Вот глупые! – громко произнесла Алиса негодующим тоном, но в ту же минуту Белый Кролик закричал:

– Не шуметь в зале суда!

А Король надел очки и с тревогой посмотрел в зал; видно, хотел узнать, кто шумит. Алиса замолчала.

Со своего места она видела – так ясно, как будто стояла у них за плечами, – что присяжные тут же стали писать: «Вот глупые!» Она даже заметила, что кто-то из них не знал, как пишется «глупые», и вынужден был справиться у соседа.

«Воображаю, что они там напишут до конца суда!» – подумала Алиса.

У одного из присяжных грифель всё время скрипел. Этого, конечно, Алиса не могла вынести: она подошла и стала у него за спиной; улучив удобный момент, она ловко выхватила грифель. Всё это она проделала так быстро, что бедный присяжный (это был крошка Билль) не понял, что произошло; поискав грифель, он решил писать пальцем. Толку от этого не было никакого, так как палец не оставлял следа на грифельной доске.

– Глашатай, читай обвинение! – сказал Король.

Белый Кролик трижды протрубил в трубу, развернул пергаментный свиток и прочитал:

Дама Червей испекла кренделей
В летний погожий денёк.
Валет Червей был всех умней
И семь кренделей уволок.

– Обдумайте своё решение! – сказал Король присяжным.

– Нет, нет, – торопливо прервал его Кролик. – Ещё рано. Надо, чтобы всё было по правилам.

– Вызвать первого свидетеля, – приказал Король.

Белый Кролик трижды протрубил в трубу и закричал:

– Первый свидетель!

Первым свидетелем оказался Болванщик. Он подошёл к трону, держа в одной руке чашку с чаем, а в другой бутерброд.

– Прошу прощения, Ваше Величество, – начал он, – что я сюда явился с чашкой. Но я как раз чай пил, когда за мной пришли. Не успел кончить...

– Мог бы и успеть, – сказал Король. – Ты когда начал?

Болванщик взглянул на Мартовского Зайца, который шёл за ним следом рука об руку с Соней.

– Четырнадцатого марта, кажется, – проговорил он.

– Пятнадцатого, – сказал Мартовский Заяц.

– Шестнадцатого, – пробормотала Соня.

– Запишите, – велел Король присяжным, и они быстро записали все три даты на грифельных досках, а потом сложили их и перевели в шиллинги и пенсы.

– Сними свою шляпу, – сказал Король Болванщику.

– Она не моя, – ответил Болванщик.

– Украдена! – закричал Король с торжеством и повернулся к присяжным, которые тут же взялись за грифели.

– Я их держу для продажи, – объяснил Болванщик. – У меня своих нет, ведь я Шляпных Дел Мастер.

Тут Королева надела очки и в упор посмотрела на Болванщика – тот побледнел и переступил с ноги на ногу.

– Давай показания, – сказал Король, – и не нервничай, а не то я велю тебя казнить на месте.

Это не очень-то подбодрило Болванщика: он затоптался на месте, испуганно поглядывая на Королеву, и в смятении откусил вместо бутерброда кусок чашки.

В этот миг Алиса почувствовала себя как-то странно. Она никак не могла понять, что с ней происходит, но наконец её осенило: она опять росла! Сначала она хотела встать и уйти из зала суда, но, поразмыслив, решила остаться и сидеть до тех пор, пока для неё хватит места.

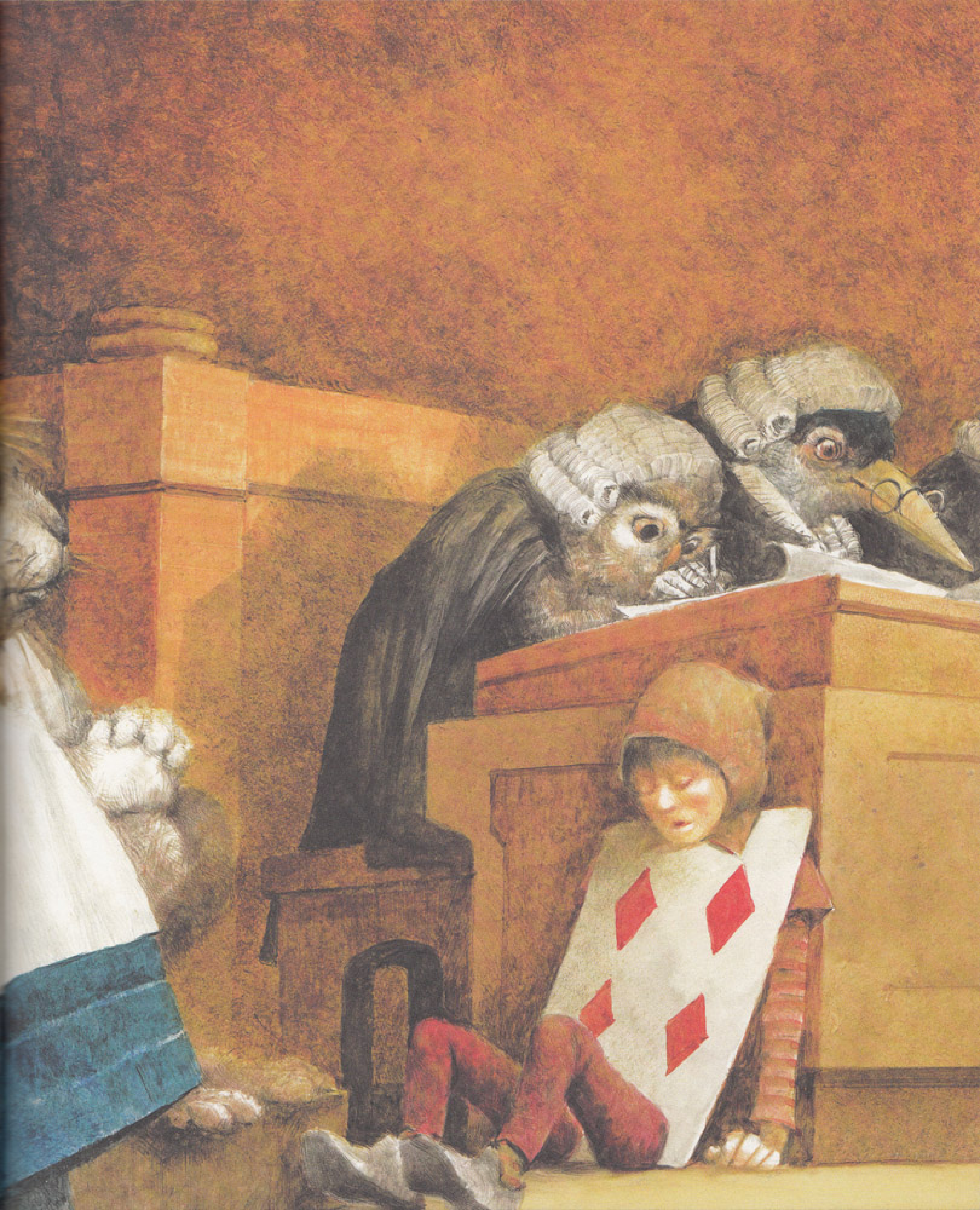
– А ты не можешь не напирать? – спросила сидевшая рядом с ней Соня. – Я едва дышу.

– Ничего не могу поделать, – виновато сказала Алиса. – Я расту.

– Не имеешь права здесь расти, – заметила Соня.

– Ерунда, – отвечала, осмелев, Алиса. – Вы же прекрасно знаете, что и сами растёте.

– Да, но я расту с приличной скоростью, – возразила Соня, – не то что некоторые... Это же просто смешно, так расти!

Она надулась, встала и перешла на другую сторону зала.

А Королева всё смотрела в упор на Болванщика, и не успела Соня усесться, как Королева нахмурилась и приказала:

– Подать сюда список тех, кто пел на последнем концерте!

Тут бедный Болванщик так задрожал, что с обеих ног у него слетели башмаки.

– Давай свои показания, – повторил Король гневно, – а не то я велю тебя казнить. Мне всё равно, нервничаешь ты или нет!

– Я человек маленький, – произнёс Болванщик дрожащим голосом, – и не успел я напиться чаю... прошла всего неделя, как я начал... хлеба с маслом у меня уже почти не осталось... а я всё думал о юных пнях в краю родном, как вдруг Мартовский Заяц и говорит...

– Ничего я не говорил, – торопливо прервал его Мартовский Заяц.

– Нет, говорил, – возразил Болванщик.

– И не думал, – сказал Мартовский Заяц. – Я всё отрицаю!

– Он всё отрицает, – сказал Король. – Не вносите в протокол!

– Ну тогда, значит, Соня сказала, – продолжал Болванщик, с тревогой взглянув на Соню. Но Соня ничего не отрицала – она крепко спала.

– Тогда я отрезал себе ещё хлеба, – продолжал Болванщик, – и намазал его маслом...

– Но что же сказала Соня? – спросил кто-то из присяжных.

– Не помню, – сказал Болванщик.

– Постарайся вспомнить, – сказал Король, – а не то я велю тебя казнить.

Несчастный Болванщик выронил из рук чашку и бутерброд и опустился на одно колено.

– Я человек маленький, – повторил он. – И я всё думал о пнях.

– Глуп как пень, – заметил Король и гордо оглянулся.

Тут одна из морских свинок громко зааплодировала и была *подавлена.* (Так как это довольно трудное слово, я объясню тебе, что оно значит. Служители взяли большой мешок, сунули туда свинку вниз головой, завязали мешок и сели на него.)

In This Style 10/6

«Я очень рада, что увидела, как это делается, – подумала Алиса. – А то я часто читала в газетах: «Попытки к сопротивлению были *подавлены*...» Теперь-то я знаю, что это такое!»

– Ну, хватит, – сказал Король Болванщику. – Закругляйся!

– А я и так весь круглый, – радостно возразил Болванщик. – Шляпы у меня круглые, болванки тоже...

– Круглый ты болван, вот ты кто! – закричал вдруг Король.

Тут другая свинка зааплодировала и была *подавлена*.

«Ну вот, со свинками покончено, – подумала Алиса. – Теперь дело пойдёт веселее».

– Ты свободен, – сказал Король Болванщику.

И Болванщик выбежал из зала суда, даже не позаботившись надеть башмаки.

– И отрубите ему там на улице голову, – прибавила Королева, повернувшись к одному из служителей.

Но Болванщик был уже далеко.

– Вызвать свидетельницу, – приказал Король.

Свидетельницей оказалась Кухарка. В руках она держала перечницу. Она ещё не вошла в зал суда, а задние ряды уже все чихали. Алиса сразу догадалась, кто сейчас войдёт.

– Давай сюда свои показания, – сказал Король.

– И не подумаю, – отвечала Кухарка.

Король озадаченно посмотрел на Белого Кролика.

– Придётся Вашему Величеству подвергнуть её перекрёстному допросу, – прошептал Кролик.

– Что ж, перекрёстному так перекрёстному, – вздохнул Король, скрестив на груди руки и скосив глаза к переносице. Грозно нахмурив брови, Король взглянул на Кухарку и глухо спросил:

– Крендели из чего делают?

– Из перца в основном, – отвечала Кухарка.

– Из киселя, – проговорил у неё за спиной сонный голос.

– Схватите эту Соню! – завопила Королева. – Рубите ей голову! Гоните её в шею! Подавите её! Ущипните её! Прищемите ей усы!

Все кинулись ловить Соню. Поднялся переполох, а когда наконец все снова уселись на свои места, Кухарка исчезла.

– Вот и хорошо, – сказал Король с облегчением. – Вызвать следующую свидетельницу!

И, повернувшись к Королеве, он вполголоса произнёс:

– Теперь, душечка, ты сама подвергай её перекрёстному допросу. А то у меня голова разболелась.

Белый Кролик зашуршал списком.

«Интересно, кого они сейчас вызовут, – подумала Алиса. – Пока что улик у них нет никаких...»

Представьте себе её удивление, когда Белый Кролик пронзительно закричал своим тоненьким голоском:

– Алиса!

Глава двенадцатая

Алиса даёт показания

– Здесь! – крикнула Алиса, забыв в своём волнении о том, как она выросла за последние несколько минут, и так быстро вскочила со своего места, что задела краем юбки скамью, на которой сидели присяжные.

Скамья опрокинулась, и все присяжные посыпались вниз, на головы сидящей публики. Там они и лежали, напоминая Алисе рыбок, так же беспомощно лежавших на полу с неделю назад, когда она случайно опрокинула аквариум.

– Простите, пожалуйста! – огорчённо вскрикнула Алиса и принялась торопливо подбирать присяжных. Случай с аквариумом не шёл у неё с ума, и ей почему-то казалось, что, если не подобрать присяжных как можно скорее и не посадить их обратно на скамью, они непременно погибнут.

– Суд продолжит работу только после того, как все присяжные вернутся на места, – сказал Король строго.

– Я повторяю: все! Все до единого! – произнёс он с расстановкой, не сводя глаз с Алисы.

Алиса взглянула на присяжных и обнаружила, что второпях она посадила Ящерку Билля на скамью вверх ногами; бедняга грустно махал хвостом, но перевернуться никак не мог. Она быстро взяла его и посадила как следует.

Про себя же она подумала: «Конечно, это совсем неважно. Что вверх головой, что вниз, пользы от него на суде никакой».

Как только присяжные немного пришли в себя и получили обратно потерянные при падении грифели и доски, они принялись усердно писать историю этого происшествия. Один только Билль сидел неподвижно, широко открыв рот и уставившись в небо: видно, никак не мог опомниться.

– Что ты знаешь об этом деле? – спросил Король.

– Ничего, – ответила Алиса.

– Совсем ничего? – настойчиво допытывался Король.

– Совсем ничего, – повторила Алиса.

– Это очень важно, – произнёс Король, поворачиваясь к присяжным.

Они кинулись писать, но тут вмешался Белый Кролик.

– Ваше Величество хочет, конечно, сказать: *не*важно, – произнёс он почтительно. При этом он хмурился и подавал Королю знаки.

– Ну да, – поспешно сказал Король. – Я именно это и хотел сказать. *Неважно*! Конечно, *неважно!*

И забормотал вполголоса, словно примериваясь, что лучше звучит:

– Важно – неважно... неважно – важно...

Некоторые присяжные записали: «Важно!», а другие – «Неважно!». Алиса стояла так близко, что ей всё было отлично видно.

«Это не имеет никакого значения», – подумала она.

В эту минуту Король, который что-то быстро писал у себя в записной книжке, крикнул:

– Тихо! – посмотрел в книжку и прочитал: – «Правило 42. Всем, в ком больше мили росту, следует немедленно покинуть зал».

И все уставились на Алису.

– Во мне нет мили, – сказала Алиса.

– Нет, есть, – возразил Король.

– В тебе мили две, не меньше, – прибавила Королева.

– Никуда я не уйду, – сказала Алиса. – И вообще это не настоящее правило. Вы его только что выдумали.

– Это самое старое правило в книжке! – возразил Король.

– Почему же оно тогда 42-е? – спросила Алиса. – Оно должно быть первым!

Король побледнел и торопливо закрыл книжку.

– Обдумайте своё решение, – сказал он присяжным тихим, дрожащим голосом.

Белый Кролик вскочил со своего места.

– С позволения Вашего Величества, – сказал он, – тут есть ещё улики. Только что был найден один документ.

– А что в нём? – спросила Королева.

– Я его ещё не читал, – ответил Белый Кролик, – но, по-моему, это письмо от обвиняемого... кому-то...

– Конечно, кому-то, – сказал Король. – Вряд ли он писал письмо никому. Такое обычно не делается.

– Кому оно адресовано? – спросил кто-то из присяжных.

– Никому, – ответил Белый Кролик. – Во всяком случае, на обороте ничего не написано.

С этими словами он развернул письмо и прибавил:

– Это даже и не письмо, а стихи.

– Почерк обвиняемого? – спросил другой присяжный.

– Нет, – отвечал Белый Кролик. – И это всего подозрительней. (Присяжные растерялись.)

– Значит, подделал почерк, – заметил Король. (Присяжные просветлели.)

– С позволения Вашего Величества, – сказал Валет, – я этого письма не писал, и они этого не докажут. Там нет подписи.

– Тем хуже, – сказал Король. – Значит, ты что-то дурное задумал, а не то подписался бы, как все честные люди.

Все зааплодировали: впервые за весь день Король сказал что-то действительно умное.

– Вина доказана, – произнесла Королева. – Рубите ему...

– Ничего подобного! – возразила Алиса. – Вы даже не знаете, о чём стихи!

– Читай их! – сказал Король Кролику.

Кролик надел очки.

– С чего начинать, Ваше Величество? – спросил он.

– Начни с начала, – важно ответил Король, – и продолжай, пока не дойдёшь до конца. Как дойдёшь – кончай!

Воцарилось мёртвое молчание.

Вот что прочитал Белый Кролик:

Я знаю, с ней ты говорил
И с ним, конечно, тоже.
Она сказала: «Очень мил,
Но плавать он не может».

Там побывали та и тот
(Что знают все на свете),
Но, если б делу дали ход,
Вы были бы в ответе.

Я дал им три, они нам – пять,
Вы шесть им посулили.
Но все вернулись к вам опять,
Хотя моими были.

Она, конечно, горяча.
Не спорь со мной напрасно.
Да, видишь ли, рубить сплеча
Не так уж безопасно.

Но он не должен знать о том
(Не выболтай случайно),
Все остальные ни при чём,
И это наша тайна.

– Это очень важная улика, – проговорил Король, потирая руки. – Всё, что мы сегодня слышали, по сравнению с ней бледнеет. А теперь пусть присяжные обдумают своё...

Но Алиса не дала ему кончить.

– Если кто-нибудь из них сумеет объяснить мне эти стихи, – сказала Алиса, – я дам ему шесть пенсов. (За последние несколько минут она ещё выросла, и теперь ей никто уже не был страшен.) – Я уверена, что в них нет никакого смысла!

Присяжные записали: «Она уверена, что в них нет никакого смысла», но никто из них не попытался объяснить стихи.

– Если в них нет никакого смысла, – сказал Король, – тем лучше. Можно не пытаться их объяснять. Впрочем...

Тут он положил стихи себе на колени, взглянул на них одним глазом и произнёс:

– Впрочем, кое-что я, кажется, объяснить могу, «...но плавать он не может...». – И, повернувшись к Валету, Король спросил: – Ты ведь не можешь плавать?

Валет грустно покачал головой.

– Куда мне! – сказал он. (Это было верно – ведь он был бумажный.)

– Так, – сказал Король и снова склонился над стихами.

– «...Знают все на свете» – это он, конечно, о присяжных. «Я дал им три, они нам – пять...» Так вот что он сделал с кренделями!

– Но там сказано, что «все вернулись к вам опять», – заметила Алиса.

– Конечно, вернулись, – закричал Король, с торжеством указывая на блюдо с кренделями, стоящее на столе. – Это очевидно! «Она, конечно, горяча...» – пробормотал он и взглянул на Королеву. – Ты разве горяча, душечка?

– Ну что ты, я необычайно сдержанна, – ответила Королева и швырнула чернильницу в Крошку Билля. (Бедняга бросил писать по доске пальцем, обнаружив, что он не оставляет на доске никакого следа, однако теперь поспешил начать писать снова, обмакнув палец в чернила, стекавшие у него с лица.)

– «Рубить сплеча...» – прочитал Король и снова взглянул на Королеву. – Разве ты когда-нибудь рубишь с плеча, душечка?

– Никогда, – сказала Королева и, отвернувшись, закричала, указывая пальцем на бедного Билля: – Рубите ему голову! Голову с плеч!

J

– А-а, понимаю, – произнёс Король. – Ты у нас рубишь *с плеч*, а не *с плеча*!

И он с улыбкой огляделся. Все молчали.

– Это каламбур! – закричал сердито Король.

И все засмеялись.

– Пусть присяжные решают, виновен он или нет, – произнёс Король в двадцатый раз за этот день.

– Нет! – отрезала Королева. – Пусть выносят приговор! А виновен он или нет – потом разберёмся!

– Чепуха! – сказала громко Алиса. – Как только такое в голову может прийти!

– Молчать! – крикнула Королева, багровея.

– И не подумаю, – отвечала Алиса.

– Рубите ей голову! – завопила Королева во весь голос.

Никто не двинулся с места.

– Кому вы страшны? – воскликнула Алиса. (Она уже выросла до своего обычного роста.) – Вы ведь всего-навсего колода карт!

Тут все карты поднялись в воздух и полетели Алисе в лицо. Она вскрикнула полуиспуганно, полугневно, принялась от них отбиваться... и обнаружила, что лежит на берегу, головой у сестры на коленях, а та тихо смахивает у неё с лица сухие листья, упавшие с дерева.

– Алиса, милая, проснись! – сказала сестра. – Как ты долго спала!

– Какой мне странный сон приснился! – произнесла Алиса и рассказала сестре всё, что запомнила о своих удивительных приключениях, про которые вы только что читали.

А когда она кончила, сестра поцеловала её и сказала:

– Правда, сон был очень странный! А теперь беги домой, не то опоздаешь к чаю.

Алиса вскочила на ноги и побежала. А пока бежала, всё время думала, что это был за чудесный сон.

А сестра её осталась сидеть на берегу. Подпершись рукой, смотрела она на заходящее солнце и думала о маленькой Алисе и её чудесных приключениях, пока не погрузилась в полудрёму. И вот что ей привиделось.

Сначала она увидела Алису: снова маленькие руки обвились вокруг её колен, снова на неё смотрели снизу вверх большие блестящие глаза. Она слышала её голос и видела, как Алиса встряхивает головой, чтобы откинуть со лба волосы, которые вечно лезут ей в глаза. Она прислушалась: всё вокруг ожило, и странные существа, которые снились Алисе, казалось, окружили её.

Длинная трава у её ног зашуршала – это пробежал мимо Белый Кролик; в пруду неподалёку с плеском проплыла испуганная Мышь; послышался звон посуды – это Мартовский Заяц поил своих друзей бесконечным чаем; Королева пронзительно кричала: «Рубите ему голову!» Снова на коленях у Герцогини расчихался младенец, а вокруг так и свистели тарелки и блюдца; снова в воздухе послышался крик Грифона, скрип грифеля по доске, визг *подавленной* свинки и далёкое рыдание несчастного Как бы.

Так она и сидела, прикрыв глаза, воображая, что и она попала в Страну чудес, хотя знала, что стоит ей открыть их, как всё вокруг снова станет привычным и обыденным; только ветер зашуршит травой, погонит по пруду рябь и зашатает камыши; звон посуды превратится в треньканье колокольчика на шее у овцы, пронзительный голос Королевы – в окрик пастуха, плач младенца и вопль Грифона – в шум скотного двора, а стенания Как бы (она это знала) сольются с отдалённым мычанием коров.

И наконец, она представила себе, как её маленькая сестра вырастет и, сохранив в свои зрелые годы простое и любящее детское сердце, станет собирать вокруг себя других детей, и как глаза их заблестят от дивных сказок. Быть может, она поведает им и о Стране чудес и, разделив с ними их нехитрые горести и нехитрые радости, вспомнит своё детство и счастливые летние дни.

От переводчика

Как появилась «Алиса в Стране чудес»

В журналах Английского Королевского метеорологического общества значится, что 4 июля 1862 года погода в окрестностях Оксфорда была хмурой. Однако в памяти участников одного пикника день этот сохранился как самый солнечный в их жизни.

В тот день мистер Доджсон, профессор математики оксфордского колледжа Крайст Чёрч (Христовой Церкви), пригласил своих юных друзей – Лорину, Алису и Эдит, дочерей ректора Лидделла, – совершить прогулку по Темзе. Вместе с ними отправился и молодой коллега мистера Доджсона, преподаватель математики Робинсон Дакворт. Он и раньше, случалось, принимал участие в их прогулках.

Рано утром пятеро участников этого пикника (который вскоре станет, пожалуй, самым известным пикником в истории) встретились неподалёку от дома с двумя башенками по углам, на двери которого сверкала медью дощечка: «Преподобный Ч. Л. Доджсон». Они спустились к Темзе, сели в лодку, отчалили. Доджсон и Дакворт гребли. Алиса сидела на руле. Они проплыли мимо тихой заводи, где по колено в прохладной воде стояли сонные коровы, мимо серых развалин Годстоуского монастыря, мимо маленькой таверны «Форель», окружённой весёлыми цветниками, мимо небольшого водопада, вспенившего реку, и дальше, дальше, между крутых берегов.

– Сказку! – кричали девочки. – Мистер Доджсон, расскажите нам сказку!

Мистер Доджсон уже привык к этим просьбам. Стоило ему увидеться с девочками Лидделл, как они тотчас требовали от него сказку – и обязательно собственного сочинения. Он рассказал их столько, что выдумывать с каждым разом становилось всё труднее. Вот и сейчас пришлось ему начать тут же, под мерные удары вёсел. «Я очень хорошо помню, – писал мистер Доджсон много лет спустя, – как в отчаянной попытке придумать что-то новое, я для начала отправил свою героиню под землю по кроличьей норе, совершенно не думая о том, что с ней будет дальше». Героиня у мистера Доджсона

носила то же имя, что и средняя из сестёр, его любимица Алиса. Это она попросила доктора Доджсона:

– Пусть там будет побольше всяких глупостей, хорошо?

Солнце пекло всё сильнее. Наши путешественники остановились и, вынув корзинку с завтраком, устроились в тени большого стога сена. День уже начал клониться к вечеру, а мистер Доджсон всё рассказывал. Время от времени он останавливался и говорил:

– На сегодня хватит, остальное – после!

– После уже настало! – кричали девочки в один голос.

Всё нравилось им в этой новой сказке, но, пожалуй, больше всего – то, что в сказке говорится о них. Героиней была средняя из сестёр – десятилетняя Алиса. Был в сказке Попугайчик Лори, который всё время твердил: «Я старше и лучше знаю, что к чему!» Это, конечно, Лорина, старшая из сестёр Лидделл. Она очень гордилась тем, что ей уже 13 лет. Орлёнок Эд – это восьмилетняя Эдит, а Робин Дакворт ещё в студенческие годы получил прозвище Робин Гусь. Мышь, к которой все в подземном зале относятся с таким почтением, – это гувернантка мисс Прикетт (по прозвищу Колючка), а урок о Вильгельме Завоевателе взят из учебника истории, который в это время как раз читали девочки. Дина – это кошка Лидделлов, а Птица Додо – это, конечно, сам мистер Доджсон. Волнуясь, он сильно заикался. «До-До-Доджсон», – представлялся он новым знакомым.

Алиса, Лорина и Эдит могли бы немало рассказать о птице додо (её называют также «дронт»). Когда-то эти птицы водились на острове Св. Маврикия в Индийском океане. Они были величиной с лебедя, с большими, загнутыми книзу круглыми носами. Но крылья у них были непомерно малы и летать они не умели. Они устраивали себе гнёзда из сухой травы на земле и выводили всего одного птенца в год. Когда на острове появились люди, они быстро уничтожили неуклюжих и милых птиц. Последние додо погибли в XVII веке. Стоило девочкам услышать рассказы о додо, как они невольно вспоминали своего друга, мистера Доджсона.

Было в сказке и много других намёков, понятных лишь девочкам Лидделл. Две недели назад, также отправившись по реке с мистером Доджсоном, они попали в сильный ливень. Пришлось им бросить лодку и искать убежища в ближайшей деревне. Алиса всю

дорогу проплакала, и мистер Доджсон сказал, что это она своими слезами промочила их всех насквозь. Вот откуда в сказке море слёз, в котором плавает вся компания. А Безумное чаепитие происходило в домике с башенками каждый раз, когда девочки бывали у мистера Доджсона в гостях. В те времена чай всё ещё считался роскошью и детям его давали только в очень редких случаях. Вот почему, когда мистер Доджсон принимал своих юных друзей, он всегда угощал их чаем.

– День сегодня дождливый, – говорил он, даже если на дворе сияло солнце, – нужно согреться. Выпьем-ка чаю!

Чай у него был на редкость вкусный. Мистер Доджсон сам клал в чайник заварку и заливал его кипятком (пропорции были математически точны). Потом он брал чайник в руки и десять минут, по часам, ходил из угла в угол, равномерно потряхивая чайник, чтобы чай получше заварился. Безумное чаепитие происходило обычно в шесть часов – вот почему в сказке часы у Шляпных Дел Мастера остановились на шести. Как правило, девочек сопровождала мисс Прикетт, но порой, если она была занята, их приводила старая нянька, которая то и дело засыпала, как Мышь-Соня.

Был уже поздний вечер, когда доктор Доджсон и его друзья вернулись в Оксфорд. Прощаясь, Алиса воскликнула:

– Ах, мистер Доджсон, как бы мне хотелось, чтобы вы записали для меня приключения Алисы!

Мистер Доджсон обещал. Прошло время, и он, не торопясь, принялся за дело. Своим чётким округлым почерком он записал сказку в небольшую тетрадь, украсив её собственными рисунками. «Приключения Алисы под землёй» – вывел он на первой странице, а на последней приклеил сделанную им самим фотографию Алисы. Он преподнёс ей эту книжку в декабре, написав на ней: «Рождественский подарок милой девочке – в память о летней прогулке».

Мистер Доджсон и не думал издавать свою сказку. Если бы не случайность, она так бы и осталась неизвестной. Однажды в гости к ректору Лидделлу пришли Генри Кингсли, брат известного в те годы писателя Чарльза Кингсли, и сам писатель. В гостиной Лидделлов он увидел рукописную книжку, забытую кем-то из детей. Он рассеянно раскрыл её – и тут же, не отрываясь, прочитал до конца.

Генри Кингсли и Лидделлы долго уговаривали мистера Доджсона издать сказку. Он отказывался: ему казалось, что сказка, написанная специально для девочек Лидделл, в которой столько имён и событий, знакомых им одним, будет непонятна другим читателям. На помощь призвали детского писателя Джорджа Макдональда, известного сказками «Принцесса Пушинка» и «За спиной у Северной бури». Было решено, что Макдональд прочтёт эту сказку своим детям и, если она им понравится, книжка будет напечатана. Так и сделали. Дети пришли от сказки в восторг, а восьмилетний Гревилл потребовал ещё 60 тысяч таких же!

Пришлось мистеру Доджсону дать согласие. 4 июля 1865 года, ровно через три года после знаменитого пикника, мистер Доджсон подарил Алисе Лидделл первый, авторский, экземпляр своей книжки. Он изменил заглавие – сказка теперь называлась «Алиса в Стране чудес», а сам скрылся за псевдонимом Льюис Кэрролл. Он и раньше подписывал этим именем свои юмористические стихи, которые изредка посылал в различные журналы. Книжку иллюстрировал известный рисовальщик Джон Тенниел. На экземпляре, подаренном Дакворту, Доджсон написал: «Гусю от Додо».

В 1868 году мистер Доджсон гостил у своего дядюшки в Лондоне. Алиса Лидделл уже выросла, и мистер Доджсон часто её вспоминал. Как-то раз, стоя у окна в гостиной и грустно глядя в сад, где играли дети, он услышал, что одну из девочек тоже зовут Алисой. Мистер Доджсон вышел во двор и представился девочке.

– Я очень люблю Алис, – сказал он ей.

Девочку звали Алиса Рейкс. Мистер Доджсон пригласил её в дом.

– Сейчас, – сказал он, – я покажу тебе одну загадку.

С этими словами он подал Алисе апельсин и подвел её к высокому зеркалу, стоявшему в гостиной.

– В какой руке ты держишь апельсин? – спросил он.

– В правой, – сказала Алиса.

– Теперь посмотри на ту маленькую девочку в зеркале. А она в какой руке держит апельсин?

Алиса внимательно посмотрела на своё изображение.

– В левой, – отвечала она.

– Как это объяснить? – спросил мистер Доджсон.

Задача была не из лёгких, но Алиса не растерялась.

– Ну а если бы я стояла по ту сторону зеркала, – сказала она, – апельсин ведь был бы у меня в правой руке, правда?

Мистер Доджсон пришёл в восторг.

– Молодец, Алиса! – вскричал он. – Лучшего ответа я ни разу не слышал!

Разговор этот дал окончательное направление мыслям о новой книжке, занимавшей в последние годы Кэрролла. В основу её легли истории, которые он рассказывал Алисе Лидделл, когда обучал её играть в шахматы. Происходило это задолго до знаменитого пикника. В беседе с Белой Королевой Алиса говорит, что ей семь с половиной лет – ровно! Она родилась 4 мая (дата Безумного чаепития) 1852 года. Семь с половиной лет – ровно! – ей исполнилось 4 ноября 1859 года. Этим днём начинается «Алиса в Зазеркалье»: идёт снег, и мальчишки собирают щепки для традиционного костра, на котором ежегодно 5 ноября сжигают соломенное чучело Гая Фокса в память о раскрытом в 1605 году Пороховом заговоре.

Эпизод с Чёрной Королевой навеян одной из прогулок с детьми, в которой принимала участие и гувернантка мисс Прикетт. Чёрная Королева – вся в шипах; это намёк на прозвище мисс Прикетт – Колючка. Она без конца даёт Алисе всяческие наставления. «Не верти пальцами! – говорит она. – Когда отвечаешь, смотри мне прямо в глаза! Помни, кто ты такая!» Позже Кэрролл описал Чёрную Королеву как «квинтэссенцию всех гувернанток». Прогулка эта происходила 4 апреля 1863 года в окрестностях Челтнема. Алиса, Лорина и Эдит гостили там у своей бабушки, а мистер Доджсон приехал их навестить. Сильный ветер рвал шаль мисс Прикетт, девочки бежали вперёд, подгоняя друг друга криками: «Быстрее! Быстрее!» Через неделю мистер Доджсон приехал опять, чтобы отвезти их домой в Оксфорд. В вагоне по дороге домой царило такое веселье, что, конечно, никто бы не удивился, если б поезд вдруг встал на дыбы и прыгнул через ручеёк!

В Оксфорде в те годы увлекались старинной поэзией времён англосаксов. В декабре 1863 года мистер Доджсон водил девочек Лидделл на любительский спектакль в свой колледж. Ставили весёлый фарс «Альфред Великий», костюм и декорации были стилизованы

под старину. После спектакля много было шуток об англосаксонских королях, воинах и гонцах. Вспомнили пародийные «Англосаксонские стансы», которые мистер Доджсон написал как-то вечером, когда все наперегонки – кто быстрее и лучше! – сочиняли стихи. Когда пришла его очередь читать, мистер Доджсон начал: «Варкалось. Хливкие шорьки...» Гости запротестовали, а он с важным видом стал объяснять значение каждого слова, пародируя учёных лингвистов.

В декабре 1871 года мистер Доджсон послал Алисе Лидделл первый, авторский, экземпляр новой книжки. Алисе было в это время 19 лет, и она давно уже не жила в Оксфорде. В последний раз мистер Доджсон видел её тринадцатилетней девочкой. Он увидит её ещё раз, в 1891 году, когда она вместе со своими младшими сёстрами (в Зеркальной стране они появляются как Роза и Фиалка) навестит его в доме с башенками. К тому времени она выйдет замуж за ученика мистера Доджсона, Реджинальда Харгривза, и будет матерью трёх сыновей (двое из них погибнут в Первой мировой войне, а третий, Кэрил, – не в честь ли Кэрролла дали ему имя? – проживёт долгую жизнь).

Так были написаны эти книжки. С тех пор прошло столетие. Они живут, «живее некуда», как сказал об Алисе Гонец. Слава их всё растёт. Их переводили на все языки мира, ставили на сцене, в кино и на телевидении. Они вошли в язык и сознание англичан, как, пожалуй, никакая другая книга. Тот, кто не знает Чеширского Кота и Белого Рыцаря, не знает ничего об Англии.

Н. Демурова

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

Льюис Кэрролл

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

Сказочная повесть

Ответственный за выпуск *Н. Н. Овчинникова*
Художественный редактор *Е. Р. Соколов*
Технический редактор *Т. Ю. Андреева*
Корректор *Т. А. Чернышёва*
Вёрстка *О. В. Краюшкина*

Подписано в печать 01.02.2010. Формат 84×100 $^1/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,72.
Тираж 15 000 экз. D-ING-4738-01-R. Заказ № 0631.

ООО «Издательская Группа Аттикус» – обладатель товарного знака Machaon
119991, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-7600, факс (495) 933-7619
E-mail: sales@atticus-group.ru
Наш адрес в Интернете: www.atticus-group.ru

ОПТОВАЯ И МЕЛКООПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ

В Москве:
Книжная ярмарка в СК «Олимпийский»
129090, Москва, Олимпийский проспект, д. 16,
станция метро «Проспект Мира»
Тел. (495) 937-7858

В Санкт-Петербурге «Аттикус-СПб»:
198096, Санкт-Петербург, Кронштадтская ул., д. 11, 4-й этаж, офис 19
Тел./факс (812) 325-0314, (812) 325-0315

В Киеве «Махаон-Украина»:
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж
Тел. (044) 490-9901
E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
www.pareto-print.ru